

**Записки
Ивана Степановича
Жиркевича**

1789–1848

«Кучково поле»

ВОЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Иван Жиркевич

**Записки Ивана Степановича
Жиркевича. 1789–1848**

Издательство «Кучково поле»

1848

ББК 63.3(2)47

Жиркевич И. С.

Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 /
И. С. Жиркевич — Издательство «Кучково поле»,
1848 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0059-4

Иван Степанович Жиркевич – офицер гвардейской артиллерии эпохи наполеоновских войн, чиновник артиллерийского департамента (1824–1829), губернатор Симбирской (1835–1836), а затем Витебской (1836–1838) губерний. Он был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий того времени. Основная часть мемуаров посвящена событиям эпохи наполеоновских войн. Не менее интересны воспоминания автора в качестве чиновника. Прямой характер и твердые принципы внушают уважение и доверие к личности мемуариста. Его цепкая память, богатый жизненный опыт, стремление к правдивости в описании военных событий Александровской эпохи и повседневности провинциального дворянства и чиновничества царствования Николая I делают «Записки» ценным историческим источником. Издание снабжено подробными комментариями.

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0059-4

© Жиркевич И. С., 1848

© Издательство «Кучково поле», 1848

Содержание

Часть I***1789–1805	10
Часть II***1806–1809	19
Часть III***1810–1812	34
Часть IV***1812	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848

© Жиркевич И. С., 2009

© Кучково поле, 2009

* * *

Предлагаемые читателю «Записки» генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича впервые были опубликованы в журнале «Русская старина» в последней четверти XIX в. и сразу вызвали живейший интерес читающей публики. Между тем, обнаружены эти мемуары были почти случайно, благодаря интересу одного любопытного человека, никакими узами с Жиркевичем не связанного. В конце 1860-х (или в самом начале 1870-х) годов предводитель дворянства Дисненского уезда Витебской губернии Сергей Дмитриевич Карпов, будучи в гостях у небогатого дворянина Владимира Ивановича Жиркевича, заметил небрежно лежавшие в углу комнаты два огромных тома, густо исписанных не слишком разборчивым почерком. Бумаги, очевидно, не раз использовались не по назначению: края обтрепались, надорвались крайние листы, пообтерлись обложки... Сергей Дмитриевич любил читать, не был и сам чужд сочинительству, поэтому старинные рукописи его заинтересовали. К тому же, быстро выяснилось, что принадлежат они перу человека, о котором еще помнили в Витебской губернии: бывшему здешнему губернатору И. С. Жиркевичу. Свидетель этой находки – внук И. С. Жиркевича Александр (в то время еще ребенок), вспоминал позднее: «С. Д. Карпов... ознакомившись с содержанием мемуаров и сразу убедившись в их ценности, взял на себя труд поместить их в «Русскую Старину».

И это был по-настоящему нелегкий труд: рукописи «писанные крайне связной, дурной скорописью, видимо начерно» (отмечал С. Д. Карпов), пришлось разбирать, переписывать набело, составить необходимые комментарии: отдельные имена и события, памятные в 1840-х годах, были уже забыты к началу 1870-х. Но журнал был заинтересован в публикации мемуаров известного в свое время человека, – и Карпов на протяжении нескольких лет (1874–1890) не оставлял начатого дела. Позднее Александр Владимирович Жиркевич, разбирая бумаги деда, обнаружил еще «несколько набросанных им заметок, имеющих несомненный бытовой и исторический интерес» – и они были опубликованы в «Историческом Вестнике» в 1892 году. К сожалению, не сохранилась обширная переписка, в которой были письма к нему известнейших людей – А. А. Аракчеева, А. П. Ермолова, Д. С. Блудова и др. Письма (по неизвестной причине) были сожжены дочерью бывшего губернатора З. И. Ган. Они могли бы значительно дополнить сведения, содержащиеся в мемуарах. Вероятно, очень интересны и другие принадлежавшие Ивану Степановичу документы, переданные позднее А. В. Жиркевичем в музей гвардейской артиллерии вместе с подлинной рукописью мемуаров деда.

Но и сами по себе «Записки» представляют огромный интерес для любого, интересующегося русской историей первой половины XIX в. И обусловлен этот интерес, прежде всего, личностью мемуариста. Предлагаемые читателю в данном предисловии биографические сведения о И. С. Жиркевиче содержат все, известные о нем на сегодняшний день данные. В совокупности с публикуемыми воспоминаниями, они могут послужить основой для написания полной биографии «дворянина-воина, дворянина-чиновника, дворянина-администратора», как назвал его Сергей Дмитриевич Карпов.

Иван Степанович Жиркевич родился 9 мая 1789 года в Смоленске, в семье небогатого дворянина, предок которого, носивший фамилию Сфурс-Жиркевич, в середине XVII в. выехал

из Польши и поселился в Смоленском княжестве. Когда Ивану исполнилось 6 лет, отец определил его в малолетнее отделение Сухопутного шляхетного корпуса (12 июля 1795 г.). После десяти лет учебы 4 сентября 1805 года Жиркевич был выпущен подпоручиком в Лейб-гвардии Артиллерийский батальон, в рядах которого принял участие в сражении при Аустерлице. Неудачное сражение, закончившееся разгромом российско-австрийской армии, принесло первую боевую награду Жиркевичу – орден Св. Анны 3-й степени.

26 апреля 1806 года Жиркевич был назначен адъютантом Лейб-гвардии Артиллерийского батальона, командиром которого был А. А. Аракчеев. На этой должности состоял до 1809 года.

Принял участие в кампании 1807 года, за сражения при Гейльсберге и Фридланде награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

После завершения кампании, в декабре 1807 года получил отпуск и отправился на родину, в Смоленск, где и пробыл 4 месяца, вместо отпущенных 28 дней («рапортовал себя больным»).

В 1809 году, будучи прикомандирован к 10-й артиллерийской бригаде, принял участие в кампании против Австрии. 4 августа 1809 года произведен в поручики.

В кампанию 1812 года принимал участие почти во всех важнейших сражениях. Проявив в них достойные российского офицера храбрость и стойкость, ни разу не был ранен. За участие в сражении при Бородино штабс-капитан И. С. Жиркевич (произведен 13 января 1813 г.) был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом (19 февраля 1813 г.).

Вскоре после перехода российской армии через границу, в феврале 1813 года Жиркевич опасно заболел горячкой и был оставлен в местечке Лик. Но вскоре он догнал свою часть, в апреле отличился «в разных авангардных делах» и в сражении под Люценом (20 апреля), а затем «в разных арьергардных делах с 21 апреля по день сражения, бывшего под Бауценом». За проявленные в них отличия 5 декабря 1813 года получил Высочайшее благоволение.

4–7 октября 1813 года Жиркевичу довелось участвовать в «битве народов» под Лейпцигом, где он вновь отличился и был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

Тяжелые условия похода и перенесенная горячка вскоре дали себя знать: в сентябре-октябре того же года Жиркевич вновь сильно простудился, и в марте 1814 года был уволен в отпуск до излечения болезни. При этом некоторое время продолжал находиться при своей бригаде. По возвращении в Россию, 2 мая 1815 года женился на дворянке Смоленской губернии Александре Ивановне Лаптевой.

8 сентября 1815 года назначен состоять при Гвардейских учебных ротах в Санкт-Петербурге.

9 марта 1816 года переведен капитаном в Батарейную № 58-го артиллерийскую роту, расквартированную в Орле.

Через три года, (1 июля 1819 г.) произведен в подполковники и назначен командиром 4-й Парочной батарейной роты. Дела службы занимали его всецело, но заботы семейные также требовали определенного внимания. Получив отпуск на 28 дней для поездки к матери в Смоленск, задержался там на 2 месяца.

30 января 1820 года получил новое назначение – командиром 2-й легкой артиллерийской роты 10-й артиллерийской бригады.

В 1824 году вышел в отставку, а в сентябре того же года поступил на службу в артиллерийский департамент начальником 1-го отделения.

В июне 1826 года был командирован в Московское артиллерийское депо. Затем – на Шостенский пороховой завод (июнь-ноябрь 1826 г.).

В начале 1827 года вновь переведен в артиллерийский департамент в С.-Петербурге. И почти сразу (в апреле) командирован в Кременчуг, затем – в Одессу. В следующем году

несколько месяцев (с февраля по июнь) занимался в Одессе закупкой серы и открытием цен на свинец. В том же году произведен в полковники.

В начале 1829 года вновь отправился в командировки: в Киев, Каменец, Тирасполь и Измаил.

В апреле 1829 года И. С. Жиркевич назначен помощником командира Тульского оружейного завода по хозяйственной части. С этой должности вышел в отставку в декабре 1833 года, в чине генерал-майора.

24 ноября 1834 года вновь поступил на гражданскую службу по ведомству министерства внутренних дел с чином действительного статского советника.

5 марта 1835 года назначен симбирским гражданским губернатором. Не получив ни одного взыскания по службе, через год был от этой должности отставлен и 27 июня 1836 года получил новое назначение: витебским губернатором «с переименованием в генерал-майоры».

По причине разногласий с генерал-губернатором Витебской губернии П. Н. Дьяковым, через два года подал в отставку и получил ее (24 октября 1838 г.). После этого поселился в Полоцке с семьей – женой, сыном Владимиром и двумя дочерьми (одна из них в замужестве – Глушкова, другая – Ган). Скончался там же от холеры 3 июля 1848 года. Погребен 5 июля под Полоцком на «Красном кладбище».

Воспоминания о жизни своей Иван Степанович начал писать лишь после того, как окончательно оставил государственную службу, отдав ей более 30 лет жизни (первая запись датирована 14 января 1841 г.) и закончил за несколько месяцев до кончины – в 1848 году. Записи он вел не регулярно, от случая к случаю и не всегда придерживаясь хронологической последовательности событий. Повествование доведено до 1838 года, до времени отставки с поста Витебского губернатора.

Первые страницы рукописи посвящены детским и юношеским годам автора, проведенным в Кадетском корпусе. Удивительно, что из его памяти (кстати говоря, совсем не безупречной), не стерлись детские воспоминания о товарищах по классам и преподавателях, яркие впечатления о посещении корпуса императором Павлом Петровичем, цесаревичем Александром Павловичем и великим князем Константином Павловичем. Повествование о событиях наполеоновских войн, в которых И. С. Жиркевичу пришлось участвовать в качестве офицера гвардейской артиллерии (с 1806 по 1815 гг.), насыщенное подробностями, представляет особый интерес как источник по истории отдельных сражений и повседневной жизни российского офицерства той великой эпохи.

В воспоминаниях И. С. Жиркевича читатель найдет много уникальных подробностей из жизни российского чиновничества и дворянства 1820-х – 1840-х годов, организации службы в центральных, губернских и уездных учреждениях; подробностях частного быта провинциальных городов Российской империи: Орла, Тулы, Симбирска, Витебска. Немало интересных деталей, не сохранившихся в официальных архивных документах, можно узнать из «Записок» Жиркевича об организации производства на Тульском оружейном заводе, о реализации в Симбирской губернии правительственной программы по переводу нескольких сот тысяч казенных крестьян в удельное ведомство, о трудном процессе присоединения унии Витебской губернии к Православной церкви и сложных взаимоотношениях гражданских и церковных властей в отношении этого вопроса.

По службе в армии, а затем на гражданском поприще, И. С. Жиркевичу приходилось встречаться со многими известными деятелями первой половины XIX столетия. Надо сказать, что автор «Записок» не пытался скрывать свою небеспристрастность в отношении к сослуживцам, сотрудникам, начальникам и просто знакомым. Его характеристики почти всегда откровенно предвзяты. Справедливость требует отметить, что в тех случаях, когда приходилось признаваться в негативном отношении к отдельным людям, Иван Степанович доб-

росовестно старался объяснить его причины, подробно описывая все нюансы своих с ними взаимоотношений. В частности, много неприятных моментов в жизни И. С. Жиркевича в Симбирской губернии и позднее, даже в отставке, были связаны с именем помощника управляющего симбирской удельной конторой Андрея Васильевича Бестужева. Однажды И. С. Жиркевич даже заявил посещавшему губернию графу Перовскому: «...с господином Бестужевым... я не хочу иметь ни дела, ни знакомства, ибо последним я его не удостаиваю!» А. В. Бестужев умел найти себе «высоких» заступников, а слишком горячий и прямой, никогда не считавший нужным скрывать свои мысли от вышестоящих, И. С. Жиркевич лучше умел находить врагов. После публикации глав «Записок», посвященных службе автора в Симбирской губернии, где фамилия А. В. Бестужева была скрыта, в редакцию «Русской старины» поступило возмущенное письмо одного из многочисленных родственников Андрея Васильевича – некоего В. А. Бестужева. Автор письма, опубликованного в одном из очередных номеров журнала, настаивал на высокой честности А. В. Бестужева и прямо обвинял И. С. Жиркевича во лжи. Доводы его, однако, не выглядят обоснованными, а в пользу низкого мнения об «удельном чиновнике» Бестужеве свидетельствуют и другие современники и свидетели их отношений с губернатором, в частности, служивший в то время в Симбирской губернии жандармский офицер Эразм Иванович Стогов. Воспоминания Стогова были предложены им самим к публикации в «Русской старине» после появления на страницах журнала первых нескольких глав из «Записок» И. С. Жиркевича.

При всей информативности воспоминаний Ивана Степановича, в них очень мало можно найти сведений о нем самом и его семье. Описаны лишь обстоятельства женитьбы на Александре Ивановне Лаптевой, но о характере ее, внешности, привычках можно судить лишь по отрывочным и косвенным сведениям. Только один раз автор подробно остановился на описании распорядка своего дня, чтобы показать, как много сил и времени занимала у него работа с документами на посту симбирского губернатора. И однажды, когда тяжелые обстоятельства жизни в отставке, почти в нищете, стали уж совсем невыносимы, он позволил себе излить душу на бумаге. Но этот отрывок был выпущен из текста «Записок» при первом издании, не увидит его и нынешний читатель.

О характере и привычках самого автора также довольно сложно составить себе представление, основываясь на тексте его воспоминаний. Но к счастью, этот пробел помогают восполнить воспоминания о Жиркевиче уже упоминавшегося выше Эразма Ивановича Стогова. Позволим себе их процитировать:

«...Видаюсь по разным случаям с Жиркевичем, я всегда заставал его за бумагами и составил о нем себе понятие, что это человек дела. Он всегда был как то сдержан, очень вежлив, но малейшая несправедливость, плутовство по делам – выводили его из себя; всплыв, он уже не знал границ гнева...»

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его деятельности, его бескорыстия; он отдался весь, без остатка, полезному служебному труду...» При всех этих высоких деловых качествах, при том, что, по словам Стогова, его «достанет управлять тремя губерниями», симбирское дворянство (как впоследствии и витебское) губернатора невлюбило: он не понимал и не умел строить с людьми человеческих отношений, не бывал в обществе, никого не приглашал к себе. «Как он для общества, так и оно для него – не существовали», – пишет Э. И. Стогов.

Об отмеченных Стоговым чертах характера И. С. Жиркевича сохранились и другие свидетельства. Старательно собиравший все доступные сведения о своем роде и особенно о родном деде, Александр Владимирович Жиркевич, писал, что ему «случалось нередко встречаться с людьми, или знавшими покойного Ивана Степановича лично, или слышавшими о нем от его современников: все отзывы обрисовывали покойного, как идеально честного, правдивого, бескорыстного русского деятеля».

К перечисленным достоинствам И. С. Жиркевича можем добавить, что был он еще и чрезвычайно скромным человеком. Об этом ясно свидетельствуют слова его завещания, написанного за несколько дней до кончины. Иван Степанович просил, чтобы похороны его были самыми скромными, чтобы близкие глубокого траура по нему не носили. И завершал свои последние распоряжения словами: «Да простит Господь мне, как я прощаю всех враждующих мне и ненавидящих меня».

Воспоминания свои Иван Степанович Жиркевич писал «в назидание сыну» («если он поймет меня», – было отмечено в подлиннике). Но, вероятно, думал и о том, что прочесть их могут и другие люди. Как он пишет сам в начал повествования, интерес к рассказам о его полной событиями жизни проявил один из приятелей, который и посоветовал их записать. В рукописи присутствуют следы саморедактуры, фамилии многих известных лиц (особенно тех, с которыми у Жиркевича происходили столкновения по службе) заменены инициалами или вовсе опущены. Все это еще раз свидетельствует о его щепетильности и стремлении не задеть явно своих недругов, многие из которых были живы и даже продолжали служить. Готовя «Записки» к публикации, Карпов раскрыл некоторые сокращенные имена, но в ряде случаев не сделал этого. Либо не смог, либо посчитал ненужным. В данном издании почти все «зашифрованные» Жиркевичем имена и фамилии приведены полностью, при этом исправлены и несколько ошибок, допущенных издателями при первой публикации.¹

При подготовке «Записок» Жиркевича к публикации, С. Д. Карпов сам, по-видимому, разделил их на главы. Кроме того, он написал предисловие и составил ряд примечаний. В данном издании предисловие Карпова опущено, так же, как его примечания, касающиеся, в основном, отдельных известных деятелей первой половины XIX в.: мы посчитали нужным в данном издании поместить небольшие биографические справки обо всех (по возможности) лицах, упоминаемых в тексте «Записок». Справки получились не равнозначными по объему и составу информации: о людях, оставивших заметный след в истории России, известно очень много, и нужно было лишь выбрать факты, значимые в контексте публикуемого источника; о некоторых людях имевшаяся в нашем распоряжении справочная литература позволила обнаружить лишь краткие упоминания; о многих скромных служителях учебных заведений или уездных начальниках, а также о ряде чиновников жандармского ведомства не было найдено никаких сведений. В примечаниях к данному изданию помещены также справки об описываемых автором значительных событиях, хорошо известных его современникам, но не слишком часто упоминаемых ныне.

Авторские примечания И. С. Жиркевича сохранены и помещены в подстраничные сноски.

Текст публикуется по изданию: «Русская старина», 1874, т. 9, 2, с. 207–244; т. 10, № 8, с. 633–666; т. 11, № 11, с. 411–450; № 12, с. 642–664; т. 13, № 8, с. 554–580; 1876, т. 16, № 8, с. 627–648; т. 17, № 9, с. 127–144; № 10, с. 251–266; № 12, с. 771–786; 1878, т. 22, № 7, с. 401–422; т. 23, № 9, с. 33–54; 1890, т. 67, № 7, с. 63–132; № 8, с. 225–277; № 9, с. 667–706. Доп.: Из бумаг генерала И. С. Жиркевича // «Исторический вестник», 1892, т. 48, № 4, с. 150–159.

Используя для удобства читателей современную орфографию, мы постарались сохранить авторский стиль источника. Кроме примечаний научно-справочный аппарат издания включает в себя алфавитный указатель упоминаемых автором имен. Статья указателя содержит лишь фамилию и инициалы лица в том случае, если в примечаниях помещена о нем биографическая справка. Если таковая отсутствует, статья указателя содержит краткие сведения о данном лице.

---

¹ Научно-популярный характер данного издания позволяет исправлять явные ошибки и опiski автора и издателей без специальных оговорок.

Часть I***1789–1805

Детство. – Шляхетный корпус. – Милорадович. – Генерал Клингер. – Малолетнее отделение. – Посещение корпуса императором Павлом и великими князьями. – Начальники гренадерской роты. – Учителя. – Товарищи. – Выпуск из корпуса. – Аустерлиц. – Подвиг Демидова.

Один из приятелей моих, слушая рассказ некоторых обстоятельств моей жизни, сказал: «Я бы на месте вашем написал что-нибудь, так много любопытного видели вы и испытали в жизни вашей». И эта мысль несколько раз невольно забежала в мою голову; но с одной стороны, лень, а более затруднение почерка до сего дня останавливали меня. А теперь пришла благая мысль взяться за перо. Вот повесть моего настоящего маранья.

При всех превратностях моей кочевой жизни, справедливость слов Св. Писания: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия» – сбывалась со мной в самом строгом и буквальном смысле. Всегда и везде видел я на себе следы лишь одной благодати Божьей, а не суетных домогательств и забот человечества.

Я родился в Смоленске в 1789 г., мая 9-го дня, поутру, в половине шестого часа, в тот самый момент, когда князь Потемкин² имел въезд в сей город и был приветствован как фельд-маршал пушечными выстрелами;³ бабушка, принимавшая меня, тогда же изрекла пророчество матери моей, что я буду губернатором, – и эта идея с самого юного возраста моего была для матери моей постоянной, так что я более ста раз слышал от нее слова сии, – и, так сказать, надежду, что оное пророчество сбудется тогда, как сам я вовсе и помышления о себе не имел.

Едва исполнилось мне пять лет, в 1795 г., без малейшего особого ходатайства, по одному прошению отца моего записан был я в сухопутный шляхетный кадетский корпус⁴ и, как рассказывали мне, был последний недоросль, помещенный в корпус распоряжением добродетельного графа Ангалта,⁵ чему я очень верю, ибо зачисление мое значится в актах 12 июля, а смерть графа последовала в том же месяце. В сентябре сего года привезли меня в Петербург, и с этого дня я начал жить, так сказать, сам собой.

Память я имел всегда скверную, а объем умственный достаточно быстрый, так что без особенного усилия слыл умным и хорошим учеником; но при этом страннее всего было, что я слыл хорошим учеником и по классу черчения, и рисования, тогда как рука моя не провела никогда ни одного прямого штриха, не нарисовала ни одной правильной головы, или даже уха, или глаза, – по другим же предметам я шел хорошо и был из первых учеников. В 1805 г. покойный Милорадович,⁶ перед началом кампании против французов приехал в корпус и в классах

---

² Потемкин, Григорий Александрович (1739–1791), граф, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал (1789), видный государственный и военный деятель России.

³ 6.12.1788 русскими войсками под командованием Потемкина после долгой осады был штурмом взят Очаков. После победы Потемкин выехал в С.-Петербург, где был произведен Екатериной II в генерал-фельдмаршалы. Весной 1789 г. возвращался к армии через Смоленск.

⁴ *Сухопутный шляхетный кадетский корпус* – основан в 1731 г. как Шляхетный кадетский корпус, с 1743 г. – Сухопутный шляхетный кадетский корпус, с 1756 г. – Императорский Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Указом от 10.3.1800 переименован в 1-й кадетский корпус. Корпус готовил офицеров, главным образом, для пехоты и артиллерии.

⁵ *Ангальт* Федор Евстафьевич (1732–1794), граф, генерал-поручик (1783), генерал-адъютант Екатерины II. С 1786 г. по свою кончину – директор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

⁶ *Милорадович* Михаил Андреевич (1771–1825), граф (с 1813 г.), генерал от инфантерии (1809). В 1805 г. – генерал-майор, шеф Апшеронского мушкетерского полка, командир пехотной бригады. За отличия в боях при Амштеттене и Штейне 8.11.1805 награжден орденом Св. Георгия 3-го класса и чином генерал-лейтенанта.

хотел выбрать несколько кадет для своего штата. Я помню, как он обратился к полковнику Арсеньеву⁷ (инспектору корпуса) и сказал:

– Ну, этого вы, верно, мне также не дадите, – указывая на меня, а тот отвечал:

– Это у нас лучший ученик, которого мы готовим в артиллерию, а вернее в гвардию.

И в сентябре того же года я был произведен в подпоручики лейб-гвардии в артиллерийский батальон, вместе с другим кадетом Поморским,⁸ который и был по кончине свою (1813) моим постоянным другом.

Накануне выпуска нашего директор корпуса генерал Клингер⁹ при собрании всего корпуса, вызвал меня вперед, погладил по голове и сказал:

– Вот вам пример, господа: ему не более двенадцати лет от роду, а завтра он будет гвардии офицером!

На что я отозвался, что я 11 лет уже как в корпусе... Но обстоятельство это показывает, как я был мал ростом и моложав при выпуске, и следствием того было, что первая пара моей гвардейской обмундировки, а именно: гвардейский мундир с бархатным воротником и золотым шитьем, казимириновое исподнее платье с золотом обошлись мне 28 рублей на ассигнации; остальная часть обмундировки в такой же пропорции, так что вся экипировка стоила 47 рублей на ассигнации.

Обращаясь к малолетству моему, я не могу без признательности вспомнить первых моих попечителей. Поступил я в отделение малолетних, в камеру к madame Савье, а по увольнении ее к mademoiselle Эйлер; как в первой, так и в другой, и особенно в последней, я нашел истинную материнскую заботу и нежность и по малому возрасту пробыл у нее годы более положенных.

Два случая этого времени врезались в мою память; первый из них – проезд в корпус государя Павла Петровича.¹⁰ Мы все были в классах, и нас учили, когда приедет государь, приветствовать его: «Ваше императорское величество, припадаем к стопам вашим!» Но этот возглас приказано было делать только тогда, когда государь будет в зале, а не в классах. Павел I приехал во время классов и, войдя к нам в класс, с самой последней скамейки взял на руки одного кадета (Яниша, теперь, в 1841 г., служащего в артиллерии подполковником), взнес его сам на кафедру и, посадив на стол, своими руками снял с него обувь; увидя на ногах совершенную чистоту и опрятность, обратился к главной начальнице с приветом благодарности. Теперь еще не могу забыть минуту бледности и страха, а потом душевного успокоения и слез на лице этой начальницы, г-жи Бугсгевден, и как она, упав на одно колено, целовала руку монарха. По окончании класса, когда государь прибыл в залу, мы его встретили, как научены были, а он, не расслышав, что мы кричали, спрашивал: «Что такое они кричат?» – и был весьма доволен и с нами разделил полдник наш, скушав две булки, так что двоим недостало оных, и затем приказал всем дать конфет.

Другой случай – проезд поутру наследника престола Александра Павловича¹¹ и великого князя Константина Павловича¹² вместе с князем Зубовым.¹³ Константин был назначен шефом

---

⁷ *Арсеньев* Никита Васильевич (1775–1847), генерал-майор, тайный советник. В описываемое время – полковник, инспектор 1-го кадетского корпуса. В 1815–1843 гг. – директор и почетный опекун Императорского военно-сиротского дома. Родной брат деда М. Ю. Лермонтова.

⁸ *Поморский* Александр Петрович (ок. 1788–1814), штабс-капитан Лейб-гвардии артиллерийской бригады, однокашник Жиркевича по 1-му кадетскому корпусу. О нем упоминал в своих мемуарах А. Х. Эйлер среди тех офицеров, «с которыми по учености, ловкости и образованности трудно было всякому спорить».

⁹ *Клингер* Федор Иванович (1752–1831), генерал-лейтенант, известный немецкий писатель-драматург, один из вождей литературного направления «Drang und Sturm» («Буря и натиск»). На русской службе с 1780 г. Директор 1-го кадетского корпуса (1801–1820).

¹⁰ *Павел Петрович* – Павел I (1754–1801), Император Всероссийский (1796–1801) из династии Романовых, сын Петра III и Екатерины II.

¹¹ *Александр Павлович* – Александр I (1777–1825), император Всероссийский (с 11.3.1801), из династии Романовых. Стар-

корпуса. Когда они обходили наши камеры, генерал-майор Адамович,¹⁴ мой внучатый брат, командовавший тогда Павловским гренадерским полком,¹⁵ сопровождал их и, поравнявшись против меня, остановил наследника словами:

– Ваше высочество, вот это мой брат!

Великий князь Александр Павлович ущипнул меня за щеку и сказал:

– Купидон!

А я закричал:

– Больно, ваше высочество!

Потом, когда мы прошли в столовую для утреннего завтрака, где обыкновенно я читал на кафедре вслух предстольную молитву, наследник, узнав меня, обратился к Адамовичу и сказал: «Из него славный будет поп!»

В том же (1800) году я был переведен из малолетнего возраста в гренадерскую роту, которой командовал майор барон Черкасов. После него были моими начальниками подполковник Пурпур,¹⁶ майор Железняков¹⁷ и майор Ралестин, – в командование ротой последним я выпущен из корпуса. Несмотря на то, что я, можно сказать, был крошкой и необыкновенно молоджав, еще в самом корпусе я пользовался расположением и дружбой капитана Черкасова,¹⁸ – он же был моим учителем фортификации, – и у других офицеров, а именно: Рилия, Ореуса,¹⁹ Эллермана²⁰ и др.; я пользовался уважением несообразно вовсе моему возрасту. Припоминая со всей строгостью о штрафах, неизбежных с малолетством и юностью, я только один раз был наказан розгами подполковником Пурпуром за то, что был записан в классе географии учителем Спиροком за леность; но и этот раз несправедливо, в чем и сам Спирок впоследствии сознался, оправдываясь лишь тем, что он это сделал, получив выговор от директора, что он ничего не пишет в ленивом списке, и что, таким образом, один только жребий, пав на меня, был виной моего наказания.

Моими законоучителями в корпусе были: Феофилакт,²¹ Михаил²² и Евгений – пастыри, впоследствии известные в России; из них первые два были потом митрополитами.

ший сын великого князя (потом – императора) Павла Петровича. В 1800 г. – петербургский военный губернатор, сенатор, член Совета при Высочайшем дворе.

¹² *Константин Павлович* (1779–1831), великий князь, цесаревич (с 1799), 2-й сын императора Павла I. В 1798 г. назначен главным начальником над 1-м кадетским корпусом.

¹³ *Зубов* Платон Александрович (1767–1822), светлейший князь (1796) генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Государственный деятель, фаворит императрицы Екатерины II. 23 ноября 1800 г. назначен директором, а в феврале 1801 г. – шефом 1-го кадетского корпуса. Автор утвержденного в 1804 г. Александром I проекта создания в губерниях военных корпусов для воспитания в них детей дворян.

¹⁴ *Адамович* Иван Степанович, генерал-майор, шеф Павловского гренадерского полка с 14.2.1798. «По неисправности полка» был отставлен от службы 26.08.1798. В октябре 1812 г. в Арзамасе формировал резервы.

¹⁵ *Павловский гренадерский полк* сформирован 19.11.1796 г. из двух батальонов Московского гренадерского полка. 13 апреля 1813 г. за отличие в Отечественной войне 1812 года полк был причислен к составу Гвардии, под названием Лейб-гвардии Павловский, с правами Молодой гвардии. Упразднен в начале 1918 г.

¹⁶ *Пурпур* Карл Андреевич (1771–1806), генерал-майор (1803), шеф Владимирского мушкетерского полка (1803–1805). До 1801 г. – преподаватель 1-го кадетского корпуса, полковник.

¹⁷ *Железняков* Петр Семенович (1770–?), майор, учитель русского языка и литературы в 1-м кадетском корпусе. В 1807 г. вышел в отставку и принял место домашнего учителя у князя Т. Л. Дивлет-Кильдеева. Переводчик.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду Черкасов Павел Петрович (?–1837), генерал-майор, неперенный член Военно-ученого комитета. В 1800 г. – капитан и преподаватель 1-го кадетского корпуса. В 1810 г. поступил майором в Свиту по квартирмейстерской части. В 1814 г., в чине полковника, переведен в Гвардейский генеральный штаб.

¹⁹ *Ореус* Федор (Фридрих) Максимович (1783–1866). Генерал от инфантерии. В начале XIX в. – офицер 1-го кадетского корпуса. На рубеже 1840–50-х гг. был директором Полоцкого кадетского корпуса.

²⁰ *Эллерман* Христофор Иванович (1782–1831), полковник. В 1800–1808 гг. – преподаватель 1-го кадетского корпуса в чине подпоручика.

²¹ Феофилакт (Русанов Федор Гаврилович) (1765–1821), экзарх Грузии (1817), митрополит Карталинский и Кахетинский (1919–1821), член «Комитета по совершенствованию духовных училищ» Св. Синода, который в 1808 году (26 июня) преобразован в «Комиссию духовных училищ». В 1796–1798 гг. – настоятель Сергиевой пустыни и законоучитель кадетского корпуса.

В мое время начальники корпуса, один за другим, так следовали: Кутузов,²³ Ферзен,²⁴ Андреевский²⁵ и Клиnger. Первого и теперь очень помню и живо себе представляю в голубом плаще, три звезды, две, на левой, одна, на правой стороне, и шляпа на голове. Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров. Часто являлся между нами во время наших игр, в свободные наши часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь его ласки, на которые он не был скуп. Второй, Ферзен, был в общем смысле немец; третий, Андреевский, просто солдат, а последний, Клиnger, суровостью вида и неприветливостью характера навлек на себя общую нелюбовь воспитанников и слыл не только строгим, но даже жестоким человеком. Из офицеров того времени живы в моей памяти: Арсеньев – большой крикун, но любимый кадетами; Перской²⁶ – иезуит в полном смысле слова, был одарен необыкновенной памятью, так что, увидев в первый раз новое лицо воспитанника, он спрашивал всегда имя его и отчество, а потом уже никогда не забывал и, когда через 25 лет, во время бытности Перского уже директором корпуса, я привез для отдачи туда своего племянника, при вступлении моем в комнату он меня встретил словами: «Не ошибаюсь, Иван Степанович Жиркевич». Хорошо был образован, но никогда не был любим кадетами. Железняков, учитель русского слова и душой русский, к несчастью, держался крепких напитков, но кадетами был любим за необыкновенную доброту свою. Ралгерт²⁷ – немецкий драгун, добрейшей души человек, но никем не уважаемый. Готовцев²⁸ – буффон, но души необыкновенной, был любим вообще. Чужин – страшный взыскательностью и хлопотливый, над которым кадеты издевались беспрестанно. Гераковы²⁹ – два брата: один – писатель и учитель истории, шут в обществе, но держал кадет в уважении и слыл ученым; другой – простой офицер, без вычуров. Кадеты, с которыми я был более дружен и в связи: Ахшарумов,³⁰ Поморский, барон Пирх,³¹ Глинка,³² Милорадович,³³ два брата Берхмановы и два брата Краснокутские.³⁴

²² Михаил (Десницкий Матфей Михайлович) (1762–1821), митрополит Петербургский и Новгородский (1818–1821), член Св. Синода (1814). В 1799 г. возведен в сан архимандрита Юрьева монастыря и назначен законоучителем в сухопутный шляхетский корпус.

²³ *Кутузов* (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), светлейший князь Смоленский (1812), генерал-фельдмаршал (1812), главнокомандующий Российской армии в 1812 году, разгромившей армию Наполеона. Первый в истории России полный Георгиевский кавалер. В 1794–1797 гг. – главный директор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Провел реорганизацию и установил в нем строгий режим, усилил практическую направленность обучения, ввел преподавание тактики (сам читал этот курс, а также курс военной истории).

²⁴ *Ферзен* Иван Евстафьевич (1747–1799), граф, генерал от инфантерии, директор 1-го кадетского корпуса (1797–1798).

²⁵ *Андреевский* – вероятно, Андреевский Иван Иванович (ок. 1754–1812), генерал-майор. Временно управлял 1-м кадетским корпусом до марта 1799 г.

²⁶ *Перский* Михаил Степанович (1776–1832). Генерал-майор, директор 1-го Кадетского корпуса (1820–1832). В годы учебы Жиркевича – майор, офицер 1-го Кадетского корпуса.

²⁷ *Ралгерт* – возможно, имеется в виду майор Ранефт Карл Карлович (?–1813), преподаватель в 1-м кадетском корпусе. В 1811 г. – полковник.

²⁸ *Готовцев* Александр Кондратьевич, генерал-майор, шеф Смоленского кадетского корпуса (1.7.1812–1820). При Жиркевиче – майор, офицер 1-го Кадетского корпуса; подполковник (1806), полковник (1811).

²⁹ *Гераков* Гавриил Васильевич (1771–1838), учитель истории в 1-м кадетском корпусе (1797–1809), статский советник (1821), писатель. Гераков Семен Васильевич (ок. 1768–1831), полковник, офицер 1-го кадетского корпуса, казначей.

³⁰ *Ахшарумов* Дмитрий Иванович (1785–1837), военный историк, генерал-майор (1820). 3.6.1803 выпущен из 1-го кадетского корпуса прапорщиком в Черниговский мушкетерский полк. Участник войн с Францией (1806–1807) и Турцией (1809–1811). В 1812 г. – дивизионный адъютант генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, сотрудник походной типографии А. С. Кайсарова. В 1819 г. выпустил «Описание войны 1812 г.» – первую в России научную работу об Отечественной войне 1812 года.

³¹ *Пирх* Карл Карлович (ок. 1785–1822), барон, флигель-адъютант (1820), полковник, командир Лейб-гвардии Преображенского полка (1820). Выпущен из 1-го кадетского корпуса в 1805 г.

³² *Глинка* Владимир Андреевич (1790–1862), генерал от артиллерии (1852). Учился в 1-м кадетском корпусе, выпущен в 1806 г. в Лейб-гвардии артиллерийский батальон. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1815 гг.

³³ По-видимому, имеется в виду один из двух братьев: Милорадович Николай Николаевич, выпущен из 1-го кадетского корпуса 4.9.1805 подпоручиком в 4-й артиллерийский полк. Убит в сражении при Аустерлице 20.11.1805. Милорадович

Во все время нахождения в корпусе благодетелем и отцом мне был Степан Павлович Краснопольский, служивший при дворе обер-келлермейстером,³⁵ а семейство его и старшие сыновья были для меня первыми примерами быта житейского; младший же сын его, Петр Степанович,³⁶ совоспитанник со мной, был не только отцом, но и братьями любим менее моего в своем семейств.

Здесь я ознакомился с семействами Фигнеровых и Шестаковых. Первых второй сын, впоследствии известный партизан 1812 года,³⁷ был мне еще тогда другом, а младший брат его оставил на голове моей всегдашнюю память, рассекши мне шаром с бильярда голову, – ему было 3 года, а мне 8 лет. Александр Антонович Шестаков и по сие время (1841) дружбой своей оценивает меня, ибо таких людей, как он, надо поискать в мире; он был судьей в Красненском уезде Смоленской губернии и живет теперь (1841) в своем поместье того же уезда.

По выпуске из корпуса, в 1805 г., в октябре месяце, отправился я к батальону своему, бывшему тогда уже на походе против французов.³⁸ Сопутниками моими были выпущенные в одно со мной время из пажей: Дохтуров³⁹ и Козлов.⁴⁰ Батальон наш нагнали мы в Слониме.

Когда я прибыл к батальону, командиром был генерал-майор Иван Федорович Касперский,⁴¹ обласкавший меня и принявший, как сына; он поместил меня для квартирования с адъютантом Саблиным,⁴² с которым всегда располагался вместе друг его лекарь Флеров, и хотя я был зачислен во 2-ю легкую роту, которой командовал полковник Роселем,⁴³ но я всегда оставался при генеральной штаб-квартире и пользовался столом генерала. По молодости моей, по непривычке к походу и по ненастному осеннему времени на третий или на четвертый день после приезда моего к батальону оказался у меня отек в ногах, и я с трудом мог с посторонней помощью ходить к генералу, что продолжалось со мной все время похода даже до Ольмюца, в

Андрей Николаевич (1780–?). Выпущен из 1-го кадетского корпуса 8.6.1805 подпоручиком в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1830 г. – Генеральной штаба генерал-майор.

³⁴ *Краснокутский* Семен Григорьевич (1784–1840), действительный статский советник, обер-прокурор Сената (на 1825 г.). Выпущен из 1-го кадетского корпуса 7.9.1805 прапорщиком в Лейб-гвардии Семеновский полк. Отставной генерал-майор (1821). Участник восстания 14.12.1825. Осужден на 20 лет ссылки на поселение. Умер в Тобольске. *Краснокутский* Александр Григорьевич (1781–1841), отставной генерал-майор. 4.9.1805 выпущен из 1-го кадетского корпуса подпоручиком в артиллерию. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1814 г. Автор двух книг.

³⁵ *Обер-келлермейстер* – в 1722–1917 гг. – смотритель винных запасов при дворе, должность, соответствовавшая 14-му классу «Табели о рангах».

³⁶ *Краснопольский* Петр Степанович. В 1806 г. выпущен из 1-го кадетского корпуса подпоручиком в 1-ю артиллерийскую бригаду.

³⁷ *Фигнер* Александр Самойлович (1787–1813), полковник (1813). Выпускник 2-го кадетского корпуса в С.-Петербурге. В 1812 г. в чине капитана командовал армейским партизанским отрядом. Владея французским, итальянским, немецким и польским языками, виртуозно умея перевоплощаться, отважно проникал в расположение неприятельских войск, добывал информацию, сообщал в Главную квартиру российской армии. М. И. Кутузов называл его человеком «высокой души», фанатиком «в храбрости и в патриотизме».

³⁸ Жиркевич был выпущен из корпуса 4 сентября 1805 г. в Лейб-гвардии Артиллерийский батальон. Лейб-гвардии Артиллерийский батальон был сформирован 9.11.1796. В кампанию 1805 г. он состоял из двух батарейных и двух легких рот. Роты назывались именами своих шефов. В 1811 г. переименован в Лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду.

³⁹ *Дохтуров* Иван Сергеевич. Выпущен из Пажеского корпуса 4.9.1805 г. подпоручиком в гвардейскую артиллерию. 26.12.1807 уволен от службы поручиком «за болезнь».

⁴⁰ *Козлов* Арсений Федорович. Выпущен из Пажеского корпуса 4.9.1805 подпоручиком в гвардейскую артиллерию. 22.10.1809 уволен от службы поручиком «за болезнь».

⁴¹ *Касперский* Иван Федорович (ок. 1760–?), генерал-майор (1801). В кампании 1805 г. – командир Лейб-гвардии Артиллерийского батальона.

⁴² *Саблин* Яков Иванович (ок. 1784–?), полковник (1813). Офицер гвардейской артиллерии (1804–1811), батальонный адъютант (1805–1806), казначей (1806–1810). В 1811 г. назначен командиром 12-й артиллерийской бригады.

⁴³ *Роселем* – вероятно, имеется в виду Реслейн Федор (Фридрих) Иванович (1760–1838). Генерал-майор (1807), командир Казанского порохового завода (1806–1830). В 1805 г. командовал легкой ротой Лейб-гвардии Артиллерийского батальона. Участник сражения при Аустерлице.

Австрии, где я в первый раз вблизи увидел государя. Здесь же увидел и австрийского императора Франца,⁴⁴ бывшего тогда еще римским.

Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж! Тогда и было только разговору о генерал-адъютанте князе Долгоруком,⁴⁵ юноше лет 25, который ездил от государя с ответным письмом к Наполеону,⁴⁶ приславшему Дюрока⁴⁷ поздравить государя с прибытием его к армии, – и все дивились остроумию адреса на письме, где будто, избегая титула царского, называли его «*Chef de la nation française!*». Так по крайней мере рассказывалось в войске, с добавкой, что когда князь Долгорукий представил письмо и Наполеон остался в шляпе пред ним, то и он тоже надел свою. Прошло несколько дней, и, увы, изменился тон наших суждений!.. Через три дня после того мы подошли к Аустерлицу и расположились на бивуаках по сю сторону города, воображая французов еще по крайней мере, верст за сто от нас. На другой день поутру, 20 ноября, объявлено нам, что во время марша через город будет смотреть нас государь. Обозы приказано оставить на месте. Прекрасная погода. Цель смотря обманула наши ожидания, – мы все были только в одних мундирах. Пройдя до города не боле как версты полторы, нас свернули с дороги в сторону, вправо, и объявили нам, что мы идем занимать позицию. Вдруг говорят нам: «Французы! Заряжайте пушки!» Этого сюрприза мы вовсе не ждали. Я был прикомандирован с двумя легкими орудиями к батарейной роте его высочества, которой командовал полковник Ралль⁴⁸ – единственное лицо между нами, бывавшее в огне против неприятеля; я же, со своей стороны, отроду не слышал пушечного выстрела вблизи, а в бытность мою в корпусе во время парадов и пальбы с крепости затыкал уши, едва не падая от страха: так был пуглив! А теперь пришлось вдруг быть в настоящем деле!.. Легкими орудиями командовал старше меня подпоручик Сукин,⁴⁹ а я был без орудий, и потому, чтобы дать мне особое занятие, генерал приказал мне быть при вторых зарядных ящиках и стоять вне выстрелов. К нашей батарее присоединились 10 австрийских орудий. Полки гвардии расположились в две линии на правом фланге; в первой линии стоял Семеновский полк,⁵⁰ а во второй – Преображенский;⁵¹ на левом фланге в первой линии – Егерский,⁵² а во второй – Измайловский.⁵³ Между батальонами, по флангам, поставлены были легкие орудия. Пехота сняла ранцы, положила их перед собой на землю и

⁴⁴ *Франц II* (1768–1835), последний император Священной римской империи (1792–1806) и первый австрийский император (1804–1835). В качестве императора Австрии (а также Венгерского и Чешского короля) носивший имя Франц I. Выдал дочь Марию-Луизу за Наполеона I (в 1809).

⁴⁵ *Долгорукий* Петр Петрович (1777–1806), князь, генерал-майор (1798), генерал-адъютант (1798). В 1805 г. – в Свите императора Александра I.

⁴⁶ *Наполеон* Бонапарт, Наполеон I (1769–1821), император французов (1804–1814, 1815), король Италии (1805), протектор Рейнского союза (1806), медиатор Швейцарии (1803).

⁴⁷ *Дюрок* Жиро Кристоф Мишель (1772–1813), герцог Фельтрский (1808) и Фриульский (1808), дивизионный генерал (1803), обер-гофмаршал (1805).

⁴⁸ *Ралль* Федор Федорович. В 1805 г. – полковник Лейб-гвардии Артиллерийского батальона командир Батарейной роты Его Высочества. Уволен со службы в 1810 г. за болезнь.

⁴⁹ *Сукин* Александр Яковлевич (ок. 1787–?), подполковник (1812). В 1805 г. выпущен подпоручиком из 2-го кадетского корпуса в Лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. В декабре 1811 г. переведен капитаном в 6-ю артиллерийскую бригаду.

⁵⁰ *Семеновский* Лейб-гвардии полк – один из старейших в русской армии (1687). В 1700 г. наименован Лейб-гвардии Семеновским. Упразднен в 1918 г.

⁵¹ *Преображенский* Лейб-гвардии полк сформирован в 1687 г., в 1700 г. наименован Лейб-гвардии Преображенским. Упразднен в 1918 г.

⁵² *Егерский* Лейб-гвардии полк сформирован 9.11.1796 г. из егерских команд, состоявших при Лейб-гвардии Семеновском и Измайловском полках и егерской роты подполковника А. М. Рачинского, как Лейб-гвардии Егерский батальон. В 1806 г. переформирован в два батальона и назван Лейб-гвардии Егерским полком. С 1856 по 1871 г. именовался Лейб-гвардии Гатчинским полком. Упразднен после октября 1917 г.

⁵³ *Измайловский* Лейб-гвардии полк сформирован 22.9.1730 в Москве из Украинской ландмилиции в составе трех батальонов на правах и преимуществах пехотных гвардейских полков. Упразднен в начале 1918 г.

стала заряжать ружья. Внезапно раздались крики: «Гвардия на левый фланг!» – и батальоны, по отделениям, налево, сейчас построились задним строем, т. е. на заднюю шеренгу, позади батареи, отошли, оставя все свои ранцы на месте и батарею нашу одну в поле. Вдруг видим в отдалении: впереди нас, на расстоянии, наверно, мене двух верст, тянется войско. Нам говорят, что это французы, и мы открыли по ним огонь! Я от ящиков из любопытства ушел вперед к орудиям. Здесь-то в моих ушах раздались первые пушечные выстрелы и на них французские отзвуки, и здесь впервые увидел я кровь и смерть, но страха во мне как будто вовсе не бывало! После нескольких выстрелов заметили мы, что от французского войска отделилась небольшая толпа и подвинулась вперед, как бы для наблюдения нас. Их, конечно, озадачивали линия ранцев, манерками⁵⁴ обращенных вверх, и от солнечных лучей отражавшийся блеск по линии: казалось, что лежат, скрываясь, целые батальоны, и толпа французов, видимо, колебалась – двигаться ли вперед, или нет. Спустя же несколько минут слева от нее начала показываться конница. Тогда полковник Ралль, вызвав офицеров пред фронт, стал советоваться, что нам делать, и, как у нас не оставалось вовсе прикрытия, положили: «Отступать через орудие». К батарее подъехал генерал Касперский и, не найдя меня при ящиках, стал шуметь на меня; но, испугавшись начавшегося наступления французов, приказал отступать, а сам уехал выбирать сзади новую позицию. Одна половина батареи, по принятому предположению, через одно орудие отошла, а другая стала отстреливаться; но французская кавалерия тронулась на рысях и полковник тотчас же скомандовал: «Назад, на передки!» В это время взорвало один ящик, пошла суматоха, но кое-как успокоились и собрались. Отойдя саженой сто или более, потянулись по гати к мельнице в одну струну левым флангом. Передними орудиями командовал подпоручик Базилевич;⁵⁵ вдруг слышим его команду: «Стой! стоп! с передков долой! передки кругом! назад поезжай!» Сделалась ужасная суматоха. В это время проезжает верхом государь, при нем были: князя Волконский⁵⁶ и Долгорукий и барон Винценгероде;⁵⁷ все они пробираются между орудиями, а государь говорит солдатам:

– Не годится, ребята, не годится идти назад: вперед – опять вперед! Нехорошо!.. – и с этими словами поехал далее; но, доехав до середины батареи, государь поскакал назад, сказав: – Поворотить опять назад!.. Ступай куда шли!..

В конце батареи были австрийцы, и они уже находились под палашиами французской конницы. Мы же, протянувшись через гать, на правом возвышенном берегу начали выстраиваться. В это время навстречу к нам показались два батальона лейб-гренадер;⁵⁸ вытянулись в линию с распущенными знаменами, стрелки впереди, и стали выравниваться с нами, подходя все ближе и ближе к мельничному ручью, протекавшему под плотину. Здесь, собственно, кончилось для нас сражение. Два орудия наши сделали по одному выстрелу, французская конница отошла; неизвестно только, куда девались австрийские орудия. Говорили, будто бы два из оных, головных, отбили французы; но остальные, шедшие за нами, скрылись незаметно для всех нас. По ту сторону ручья, где были французы, появились казаки врассыпную, и мы видели только изредка, как мелькали пистолетные выстрелы. Часа в четыре начало смеркаться. Я выше сказал, что все мы были в одних мундирах, без куска хлеба. Продрогли мы и проголодались. К совершенному

⁵⁴ *Манерка* – жестяная фляга для воды.

⁵⁵ *Базилевич* Александр Иванович (ок. 1787–1843), генерал-майор артиллерии. В 1805 г. – подпоручик Лейб-гвардии Артиллерийского батальона; штабс-капитан (1812). Будучи полковником в 1815 г. переведен в 13-ю артиллерийскую бригаду.

⁵⁶ *Волконский* 2-й Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь (1834), генерал-фельдмаршал (1850), генерал-адъютант (1801). В 1805 г. – дежурный генерал и генерал-квартирмейстер российско-австрийских войск. С 22.8.1826 г. – министр Императорского двора и уделов. Почетный член Императорской Военной академии, Петербургской Академии наук и Медико-хирургической академии, Канцлер Российских императорских орденов (1842), управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1826), генерал-инспектор всех запасных войск (1837).

⁵⁷ *Винценгероде* Фердинанд Федорович (1770–1818), барон, генерал от кавалерии (1813), генерал-адъютант (1802). В 1805 г. – генерал-майор, находился в свите Императора Александра I.

⁵⁸ 2 батальона Лейб-гренадерского полка.

моему благополучию, у одного из товарищей оказался сыр, и на мою долю достался кусочек. Вдруг начался шепот: «Сражение проиграно; мы будем отступать!» Затем получено и приказание. Тихо, без шума снимаемся с места и идем через город назад. В городе – теснота, давка, стон от раненых, разбитые погреба!.. Вино из бочек рекой течет по улицам; сыро, снег с ветром и метелью... Вот все, что у меня осталось в памяти от Аустерлицкого сражения.⁵⁹

Пошли мы к Галичу. На ночном привале сон одолел меня; но прежде чем я уснул, фейерверкер,⁶⁰ старый, лет около пятидесяти, подошел ко мне и, сожалея о моей молодости, подал мне булку ржаного хлеба. Ел ли я ее – того не помню, но товарищи в минуту уничтожили всю порцию; я же хлебнул глотка два или три распушенной в кипятке муки, без соли и масла, в манерке, и зарылся в сено. Ночью, слышу, кричат: «Стой! держи! Раздавите подпоручика, стервецы!» – и тот же Иванов держит в руках правую ямщичью лошадь, а то едва не переехали меня, сонного, ящиком.

В Галич попал я на теплую квартиру вместе с Саблиным и Флеровым, кажется, что на генеральскую; рота же наша была на бивуаках. Я лег около печи... и уже что было далее, ничего не помню боле. Открылась у меня жестокая, нервная с желчью горячка. После узнал я, что меня уложили в коляску генерала и везли двое суток до Тренчина, где в квартире генерала Малютина,⁶¹ с которым вместе стоял и Касперский, передали меня на попечение помещика местечка Тренин графа Елешчани, который поручил меня хозяину моей квартиры – портному, объявив ему, что все лекарства и содержание мое будет на его счет, а для похорон моих, на случай моей смерти, оставлено было моим командиром 10 червонцев.

Пришел я в память около 15 декабря, весьма скоро начал поправляться и 26 декабря 1805 г, получив от графа, которого от души поблагодарил, оставленные им 10 червонцев, по подорожной, в тамошней фуре покатыл обратно в Россию.

Здесь, кстати, приведу анекдот о подпоручике нашей батареи Николае Петровиче Демидове.⁶² В сражении он был с орудиями при Семеновском полку, под командой капитана Эйлера.⁶³ Орудия, как выше сказал, стали по флангам батальонов так, что пришлось быть при одном орудии Эйлеру, а при другом – Демидову. Когда приказано было отступить батальону (я говорил уже, какой дух одушевлял нас едва ли не всех в это время, а Демидов в этом смысле был фанатик), видя, что батальон его отступает, он стал горячиться, бранить всех трусами и решительно отвечал, что, не сделав выстрела, не пойдет назад. Эйлер начал уговаривать его к отступлению, но он и его не послушался. В сумятице с орудиями Эйлера отъехали и передки орудий Демидова, и, таким образом, он остался один в поле. Видя уже, что ему делать нечего, он приказал всем солдатам от орудий своих идти за другими, но не мог убедить к тому двух солдат – одного артиллериста, а другого семеновца, которые сказали, что умрут вместе с

⁵⁹ Сражение в районе Аустерлица (ныне чешский город Словаков) между русско-австрийской армией под командованием генерала М. И. Кутузова (86 тыс. чел.) и французской армией под командованием императора Наполеона (73 тыс. чел.) состоялось 20 ноября 1805 г. В союзной армии находились русский и австрийский монархи, поэтому сражение получило название «Битва трех императоров». В результате сражения русско-австрийские войска были разгромлены. Потери русских войск составили около 16 тыс. убитыми и ранеными, 4 тыс. пленными, 160 орудий; потери австрийцев – около 4 тыс. убитыми и ранеными, 2 тыс. пленными, 26 орудий; французов – около 12 тыс. убитыми и ранеными. В результате поражения под Аустерлицем распалась 3-я антифранцузская коалиция, и император Александр I вынужден был заключить с Наполеоном мир.

⁶⁰ *Фейерверкер* – в российской армии – унтер-офицерский чин в артиллерии (введен в 1796 г.). Как правило, командовал прислугой (расчетом) артиллерийского орудия.

⁶¹ *Малютин* Петр Федорович, генерал-лейтенант (1800). С 1799 по 1808 гг. командир Лейб-гвардии Измайловского полка.

⁶² *Демидов* Николай Петрович (1784 или 1789–1851). Действительный статский советник, известен своими трудами по политэкономии и финансовому праву, в основном на французском языке. В 1804 г. – подпоручик гвардейской артиллерии, в 1812 – штабс-капитан, в 1814 – полковник.

⁶³ *Эйлер* Александр Христофорович (1773 или 1779–1849), генерал от артиллерии (1834). Внук математика Л. Эйлера. В 1805 г. – капитан. 27.5.1806 произведен в полковники и назначен командиром роты своего имени. В 1812 г. с отличием сражался при Бородине и Малоярославце, произведен в генерал-майоры. В 1813 г. назначен командовать всей резервной артиллерией и парками на театре военных действий. В 1833–1840 гг. исполнял должность директора Артиллерийского департамента Военного министерства.

ним. Батарея отошла уже далеко, когда подскакали французские драгуны. Демидов приложил фитиль – раздался выстрел, и Демидов со шпагой бросился на первого подскакавшего драгуна, ранил его; но, конечно, тут же был окружен и с двумя находившимися при нем солдатами взят в плен и через полчаса представлен лично Наполеону. О подвиге этом через несколько лет потом я читал сам во французских бюллетенях об Аустерлицком сражении, и, как слышал, он изображен на картине Аустерлицкого сражения, в Тюльерийском дворце, написанной во славу победителя и побежденного!

Часть П***1806–1809

Краков. – Брест-Литовск. – Михельсон. – Прибытие в Петербург. – Первый проступок. – Аракчеев. – Его заслуги и строгость. – Эйлер. – Телесное наказание георгиевских кавалеров. – Поход. – Гейльсберг. – Фридланд. – Подполковник Штаден. – Женитьба Аракчеева. – Его приближенные. – Размолвка с женой. – Настасья Минкина. – Корсаков и Шумской. – Бал императору Александру, данный гвардией. – Король и королева прусские в Петербурге. – Новая кампания.

Из Тренчина отправился я в Краков, куда прибыл на Новый год. У меня в кошельке оставалось еще четыре червонца. Спросив, кто здесь остался из русских начальников, я явился к нему. Это был главный смотритель госпиталей Карловский. На просьбу мою о совете и пособии для проезда далее он предложил переехать к нему на квартиру и списаться с моим начальством о высылке мне жалованья моего, что я и сделал весьма охотно, желая здесь пожить подоле, ибо из рассказов моего хозяина я знал, что в Кракове русских принимают хорошо. С Карловским жил друг его, комиссионер Кенчеев, считавшийся побочным сыном Орлова, человек высшего образования. Здесь началась первая моя общественная жизнь, юношеское чувство любви... Здесь вообще русских, а в особенности Кенчеева, пленяла собой красавица графиня Пазис. Муж ее играл с русскими в карты и обыгрывал их, а они отыгрывались в волокитствах за его супругой. У них была дочь 14 лет, Эмилия, и это был первый предмет моей страсти. Мать смотрела и любовалась на нас, как на детей, и полагала меня значительным и богатым, ибо я служил в гвардии!.. Здесь я получил еще 50 червонцев моего жалованья и прожил их еще прежде, чем они дошли до меня, так что в феврале, когда стали требовать меня, я очутился опять без гроша денег, да в прибавку кое с какими долгишками. Занял у Кенчеева 30 червонцев, с которыми едва доехал до Бреста. От графини Пазис и ее дочери уже в Петербурге получил два письма, и на одно из них я ответил. После узнал я, что графиня Эмилия через два года вышла в Варшаве замуж за французского генерала графа Моранда,⁶⁴ а потом случилось мне читать в «Записках» Жуи⁶⁵ о примерной ее семейной и добродетельной жизни с детьми во Франции.

Приехав в Брест-Литовск, я заглянул в кошелек свой (от Кракова я поехал на почтовых, не рассчитывая кармана своего) и нашел всего два червонца! За границей квартира, подводы и обеды – все даром, а тут должен был или голодать и идти пешком, или искать новые средства и извороту! Узнал я, что в Бресте находится новый главнокомандующий армией Михельсон.⁶⁶ Отправился к нему и, являсь в полуформе, откровенно объяснил свое положение. Он тотчас мне сделал предложение – взять команду выздоровевших гвардейцев и идти с ними вслед за гвардией до Петербурга. На отзыв мой, что я молод еще и неопытен, похвалил меня за смелость мою и велел тотчас выдать мне прогоны на счет моего жалованья. Молодость вперед не смотрит, и, таким образом, я нагнал батальон недалеко от Порхова, еще на пути в Петербург.

В Петербург мы пришли в апреле 1806 г. Здесь вовсе неожиданно в числе прочих я получил орден Св. Анны на шпагу⁶⁷ – за что и сам не знаю. Еще на походе умер казначей наш; вме-

⁶⁴ Имеется в виду Моран (Morand) Шарль Антуан Луи Александр (1771–1835), граф (1808), дивизионный генерал (1805). Участник военных кампаний Франции с 1792 по 1815 гг. В 1812 г. командовал 1-й дивизией в корпусе Даву.

⁶⁵ По всей видимости, имеется в виду произведение Виктора-Жозефа Этьена де Жуи (1764–1846). Французский писатель, драматург. Состоял во Французской академии.

⁶⁶ Михельсон Иван Иванович (1755–1807), генерал от кавалерии (1790). Назначен командующим армией на западной границе во время подготовки новой кампании против Наполеона (1805).

⁶⁷ Орден Св. Анны 3-й степени: знак ордена (красный эмалевый крест на золотом поле, заключенном в красный эмалевый круг; над крестом – золотая императорская корона) помещался на эфесе холодного оружия («Анненское оружие»).

сто него в казначеи назначен был адъютант Саблин; я занял временно его должность, а потом в Петербурге с одобрения графа Аракчеева⁶⁸ утвержден адъютантом.

В Петербурге квартиру я имел над квартирой генерала, а под ним жил поручик Наум Иванович Салдин – человек, слывший степенным и холодным и к которому я ходил иногда обедать, а чаще на чай и между тем иногда понтировать помаленьку. Пробывши три или четыре месяца адъютантом, я поехал принимать разные солдатские наградные деньги, – пришлось получить 600 и несколько более рублей. В тот же день случилась вечером у Салдина игра, и я рубль за рубль спустил все 600 рублей и еще с излишком. Что делать?.. Явился к генералу, объявляю о проигрыше, а на вопрос:

– Кому? – не знаю ответа. Получаю угрозу:

– Арест и под суд! – Отвечаю:

– Не верю, ибо знаю благородство души генерала! Наконец получаю обещание пособия и прощения, ежели объявлю имя обыгравшего меня, – не поддаюсь и на это; наконец, разбранив меня за упрямство, генерал дает записку казначею выдать мне проигранную сумму в счет жалованья. Благодарность одна заставила меня тому, чему не вынудили угрозы; слезы на глазах свидетельствовали мое чистое раскаяние!.. Генерал оценил и отдал мне всю справедливость за сие. С того времени одарил меня своим полным расположением и даже дружбой. Но, увы, проигранные 600 рублей расстроили меня до того, что до последнего времени я был в беспрестанной нужде и часто даже не находил средства показаться в люди.

1806-й год познакомил меня с графом Аракчеевым. Слышал я много дурного насчет его и вообще весьма мало доброжелательного; но, пробыв три года моего служения под ближайшим его начальством, могу без пристрастия говорить о нем. Честная и пламенная преданность престолу и отечеству, проницательный природный ум и смывленность, без малейшего, однако же, образования, честность и правота – вот главные черты его характера. Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нем часто злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даже снисходителен к ним.

Меня всегда ласкал он и каждый раз, когда я был у него поутру с рапортом, отпускал не иначе, как благословляя крестом, сопровождая словами: «С Богом, я тебя не держу!» Ставил меня примером для адъютантов своих как деятельного, так и памятливого служаку, – и в сентябре 1806 г., когда я был у него на дежурстве, пригласил меня к себе в инспекторские адъютанты и на отказ мой на меня не осердился за это. Чтобы дополнить черту о нем, прибавлю, что в семь или восемь лет его инспекторства над артиллерией при всех рассказах о злобе и мучительности его из офицеров разжалован только один Нелединский⁶⁹ за сделание фальшивой ассигнации, за что обыкновенно ссылают в Сибирь. На гауптвахту сажали ежедневно; многих отставляли с тем, чтобы после не определять на службу, и по его же представлению принимали. А при преемнике его, добрейшей души Меллере,⁷⁰ в первый год наделано было несчастных вдесятеро более, нежели во все время управления Аракчеева. Об усовершенствов-

---

⁶⁸ *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), генерал от артиллерии (1807), сенатор (1808), член Государственного совета (1810). В 1806 г. – генерал-лейтенант, инспектор всей артиллерии. С января 1808 г. – министр военно-сухопутных сил (до 1810 г.) и генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии (до 1819). С 1817 г. – главный начальник созданных по инициативе императора Александра I военных поселений. В декабре 1825 г. оказался в опале, в 1826 г. получил отпуск по болезни и жил в своем имении Грузино Новгородской губернии.

⁶⁹ *Нелединский* Иосиф Степанович (1784–1833). Майор, командир Аландского артиллерийского гарнизона. В 1800 г., будучи подпоручиком гвардейской артиллерии, был отдан под суд за подделку ассигнации, лишен чинов и дворянства и сослан на каторжные работы в Сибирь. В 1803 г. прошен и вернулся в армию.

⁷⁰ *Меллер-Закомельский* 1-й Петр Иванович (1755–1823), барон, генерал от артиллерии (1814) сенатор, член Государственного совета (1819). 19.1.1807 назначен генерал-инспектором всей артиллерии (до 1819 г.). В 1808–1810 гг. – директор Провиантского департамента Военного министерства. С 28.2.1812 – директор Артиллерийского департамента Военного министерства. В кампанию 1812 г. – начальник С.-Петербургского и Новгородского ополчений. В 1819 г. – временно управляющий Военным министерством. В 1823 г. уволен в бессрочный отпуск по болезни.

ваниях артиллерийской части я не буду распространяться: каждый в России знает, что она в настоящем виде создана Аракчеевым, и ежели образовалась до совершенства настоящего, то он же всему положил прочное начало.

Кстати об артиллерии... Мы возвратились из Аустерлицкого похода в апреле 1806 года и в конце того же месяца было первое учение с пальбой на артиллерийском плаце. В роте генерала Касперского, которой командовал Эйлер, во время учения сделан был выстрел ядром, попавшим в госпиталь Преображенского полка. Орудие оставалось не разряженным и не осмотренным, вероятно, с Аустерлица! Разумеется, пошли толки, предположения и даже мысль, что хотели ядром убить командира. Всякое неприятное событие по гвардейской артиллерии доходило до Аракчеева не иначе, как через меня; послали отыскивать меня по городу, и через мое посредство обошлось все мирно и без тревоги. Наказали, и то не строго, одного канонира, прибавившего будто бы заряд в пушку. Хорошая старина!.. А теперь?..

Вот другая черта взыскательности Аракчеева. Мне как адъютанту гвардейского батальона приказано было от него показывать ему в рапорте обо всех артиллерийских офицерах, которые не являлись к разводу. Для исполнения чего я всегда узнавал наперед, кто имел законную причину манкировать своей обязанностью и таковых всех без изъятия, вписывал в мой рапорт, присовокупляя, однако же, всякий раз к общему списку и известного шурина Аракчеева – Хомутова.⁷¹ Но число внесенных никогда не превышало пяти или шести человек. В один день случилось, что у развода не было более двадцати офицеров; я внес в рапорт четырех, и, когда ожидал времени моего доклада, генерал Касперский, заглянув в рапорт, сказал:

– Хорошо! Ты обманываешь графа, я скажу ему!

Делать было нечего, я присел к столу и вписал остальных. Едва успел это сделать, позван был к графу, который, взглянув на рапортичку, тотчас встретил меня словами:

– Это что значит? Сей же час напиши выговор своему генералу, что он худо смотрит за порядком!

Я, выйдя в залу опять, с торжествующим лицом принялся тотчас исполнять сие приказание. Подошел ко мне Касперский, спрашивая меня:

– Что, граф весел?

Я отвечал:

– Очень! А мне велел написать вам выговор по вашим же хлопотам!

– Ну, брат, – сказал он, – что делать! Теперь и я вижу, что не за свое дело взялся учить тебя.

И, не дожидаясь выхода графа, уехал совсем... В 1809 года, когда граф был уже (с 1808 г.) сделан военным министром и прославился строгостью, вот какой был случай. Во время представления в Михайловском манеже прусскому королю четырех легких орудий, – артиллерия с упряжью от роты Касперского, а люди и лошади были от его высочества, – от сильного мороза при первых движениях одно колесо застыло к оси, осталось без движения; разумеется, граф вышел из себя, и после смотра Эйлера, командовавшего ротой, посадили под арест – на гауптвахту! А фельдфебелей Никитина и Худякова граф приказал мне наказывать палками при разводе. Не останавливаясь гневом его, я доложил, что оба фельдфебеля имеют георгиевские кресты и не могут быть наказываемы телесно. Замечание мое взбесило его еще более, и с сильной запальчивостью он отвечал мне:

– Хорошо, сударь! Если вы не хотите выполнять моих словесных приказаний, напишите приказ об этом, я подпишу!

---

⁷¹ Хомутов Василий Федорович. В 1806–1807 гг. подпоручик Лейб-гвардии Артиллерийского батальона. Уволен к статским делам по болезни 10.1.1808.

За мной тоже не стало: присел к столу, занес приказ в книгу и на замечание приближенных графа и моих начальников, что я ответом своим еще более его рассердил, хладнокровно отвечал:

– Не ваше дело, я знаю, что вздор!

Пошел к нему в кабинет и подал книгу для подписи.

Граф в совершенном бешенстве кинулся ко мне, закричав:

– Неужели вы думаете, что у меня другого дела нет, как ваша приказная книга, – успеете еще, сударь! Я вас не держу, идите с Богом!

На другой день, когда по обыкновению я пришел с рапортом в 6 часов утра, дежурный адъютант, поручик Чихачев,⁷² встретил меня словами, что «граф не велел мне дожидаться, а приказал принять от меня только рапорт». Я подал его, а вместе с тем подал и приказную книгу, прибавив, что тут приказ, который должен быть подписан графом. Чихачев понес книгу, но в ту же минуту возвратился, говоря:

– Что ты наделал? Граф разругал меня, объявля, что он пошлет меня и тебя на ординарцы – для посылок!

Два дня граф не допускал меня к себе; между тем Эйлера через 6 часов ареста выпустил с гауптвахты, а на четвертый день после того назначено было практическое учение роте его высочества на Волковом поле.

В день учения при морозе в 28 градусов людям при орудиях велено быть в шинелях, а офицерам – в сюртуках; когда я пришел поутру к графу, он тотчас принял меня, но приказал немедленно ехать на место и озаботиться, чтобы были приняты все меры для сбережения людей по случаю необыкновенной стужи. Государь и король прусский⁷³ приехали на ученье и все время были в медвежьих шубах. Ученье производилось с полчаса и с отличной удачей. По окончании оно граф был удостоен посещения монархов и принятием ими завтрака в балагане, устроенном нарочно в большой куче снега, так что даже о существовании чего-либо под снежной массой предполагать было невозможно. Завтрак был совершенно русский и артиллерийский. Кушали: блины, щи, рыбу, икру и подобные предметы, плоды и фрукты, а равно и другие припасы на лотках в виде платформы на обращенных кверху дулами пушках мортирах и пр. Обоим государям служил лично сам граф, а другим родственным им лицам – адъютанты. На мою долю достался принц Ольденбургский,⁷⁴ старший брат того, который был женат⁷⁵ на великой княгине Екатерине Павловне.⁷⁶ Граф предложил тост за здоровье короля. Но тот, обра-

---

⁷² Вероятно, *Чихачев* Матвей Федорович (ок. 1786–1844), генерал-майор. В 1807–1810 гг. офицер гвардейской артиллерии, адъютант А. А. Аракчеева (с 1808). В 1810 г. переведен в Лейб-гвардии Семеновский полк. Уволен от службы в 1816 г. полковником.

⁷³ *Фридрих Вильгельм III* (1770–1840), король Пруссии (с 1797 г.) из династии Гогенцоллернов. В составе 3-й антинаполеоновской коалиции прусская армия приняла участие в сражениях с Наполеоном лишь после поражения русско-австрийских войск при Аустерлице. Но 14.10.1806 Пруссия потерпела сокрушительное поражение под Иеной и Ауэрштедтом. В 1807 г. Фридрих Вильгельм был вынужден подписать мир в Тильзите, после того как лишился половины своих владений. Накануне вторжения Наполеона в Россию, подписал с ним договор, согласно которому прусские войска участвовали в кампании в составе Великой армии. В марте 1813 г. Пруссия перешла на сторону России. В 1814 г. прусская армия в составе союзных войск антинаполеоновской коалиции вошла в Париж. Впоследствии дочь Фридриха Вильгельма III, Шарлотта (в православии Александра Федоровна) вышла замуж за великого князя Николая Павловича (будущего российского императора Николая I).

⁷⁴ *Ольденбургский* Павел Фридрих Август (1783–1853), великий герцог Ольденбургский, из династии Ольденбургов. Эмигрировал в Россию, когда в 1811 г. Ольденбург был оккупирован французскими войсками. Генерал-лейтенант русской службы (1811), занимал пост генерал-губернатора Ревеля. В 1812–1814 гг. принимал участие в войнах против наполеоновской Франции, в 1816 г. возвратился на родину.

⁷⁵ *Ольденбургский* Петр Фридрих Георг (1784–1812), генерал-губернатор Эстляндии, затем – генерал-губернатор тверской, ярославский и новгородский и главный директор путей сообщения. В 1809 г. вступил в брак с великой княжной Екатериной Павловной.

⁷⁶ *Екатерина Павловна* (1788–1818), великая княжна, четвертая дочь императора Павла I любимая сестра императора Александра I. Герцогиня Ольденбургская (1809), королева Вюртембергская (1816). В 1816 г. вышла замуж за наследного принца Вильгельма Вюртембергского.

тась к государю, просил обратить оное на лицо графа, что и было сделано. Граф бросился на колена, поцеловал руки у обоих венценосцев, а затем все шло обыкновенным порядком. За столом сидело человек 60. Тут я впервые увидел в конце стола молодого графа Каменского,⁷⁷ лет 30, полного генерала и украшенного уже тремя звездами на левой груди.⁷⁸

По окончании стола граф, выходя, сказал мне:

– Собери сведения о числе обморозившихся во время учения и тотчас приезжай ко мне!

Случаев обморожения, к счастью, не оказалось, и по приезде моем граф встретил меня самым ласковым образом, потребовал приказную тетрадь, собственноручно написал преогромную благодарность всем и каждому, относя успех к рвению дорогих своих сослуживцев – гвардейских артиллеристов, и, по обычаю перекрестив меня, с приветствием сказал:

– С Богом! Я тебя не держу! Оставь меня отдохнуть!

А я, перевернув в книге несколько листов назад, сказал:

– А этот приказ угодно вашему сиятельству подписать?

– Да ты не исполнил еще его?

– Нет! Не смел до подписи!

Граф взял перо и подписал: «Прощаются! Во уважение бывшего сего числа учения», месяц и число, и, обратясь ко мне, прибавил:

– На тебя я не сержусь никогда, да и сердиться не буду!

Никитин и Худяков, в жизни не наказанные телесно, служат теперь (в 1842 г.) один – полковником, а другой – подполковником по артиллерии.

Все приказания графа ту же минуту я заносил лично в книгу своей рукой, – в торопливости иногда испорчу, вычеркну и продолжаю писать, что следует далее; также и в рапортах поправки и поправки очень часто делал своей рукой, граф никогда за это не сердился, а хвалил меня, и один раз, когда его любимец и родственник адъютант Мякинин,⁷⁹ которому он отдавал довольно длинное приказание, стал просить позволения записать оное и вышел, чтобы взять карандаш, он сказал:

– Ты, брат, не Журкевич (так звал меня): ты карандаш всегда должен носить с собой!

В том же 1809 г. я вышел из адъютантов; потом через 14 лет, когда я за отсутствием бригадного командира 15-й артиллерийской бригады оной командовал, Аракчеев, проезжая Тульской губернией, остановился на три дня в деревне помещика Арапетова,⁸⁰ где квартировала часть бригадной роты. По долгу службы я отправился к нему с рапортом, и, едва подал ему оный, он стал расспрашивать о служебном порядке. Бывшей при нем Эйлер спросил его:

– Граф! Вы, верно, не узнали полковника?

– Виноват! Ваша фамилия?

– Жиркевич.

– Видно, что совсем потерял глаза, не узнав лучшего, одним словом, единственного своего хорошего адъютанта, – и, обратясь к Клейнмихелю,⁸¹ велел позвать флигель-адъютанта

⁷⁷ *Каменский* 1-й Сергей Михайлович (1771–1834), граф, генерал от инфантерии (1810). Сын генерал-фельдмаршала Михаила Федоровича Каменского. Чин генерала от инфантерии получил за штурм Базарджика 14.6.1810.

⁷⁸ Жиркевич, возможно, ошибается. С. М. Каменский, действительно, имел 3 звезды: ордена Св. Александра Невского, Св. Георгия 2-й ст., Св. Анны 1-й ст. Из них – звезду ордена Св. Анны носили на правой стороне груди. Кроме того, Каменский имел 4-ю и 3-ю ст. ордена Св. Георгия и орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом, кресты за Прагу и за Базарджик.

⁷⁹ *Мякинин* Николай Демидович (1787–1814), генерал-майор (1814). В 1806–1814 гг. – адъютант А. А. Аракчеева. В 1807–1809 гг. – офицер Лейб-гвардии Артиллерийского батальона. Дальний родственник Аракчеева.

⁸⁰ Возможно, имеется в виду Арапетов Иван Иванович, отставной майор артиллерии, предводитель дворянства Тульской губернии, помещик в Алексинском и Одоевском уездах Тульской губернии.

⁸¹ *Клейнмихель* Петр Андреевич (1793–1869), граф (1839), генерал от инфантерии (1841), генерал-адъютант (1826), член Государственного совета (1842). С 1808 г. служил в гвардии. Участник Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813 и 1814 гг. С 1814 г. петербургский плац-майор, с 1819 г. начальник штаба поселенных войск; адъютант, затем ближайший сотрудник графа А. А. Аракчеева, управляющий Военным министерством (1842). В 1826 г. в чине генерал-майора был начальником штаба Управления военными поселениями.

Шумского,⁸² которого считал своим побочным сыном. При входе его, он взял его за руку и, подведя ко мне, сказал ему:

– Познакомься с этим человеком, братец, – вот тебе лучший образец, как должно служить и как можно любить меня!..

Пригласил меня остаться на все время, что тут пробыл.

Прошло много времени, но и теперь вспоминаю с благодарностью к человеку строгому, но, по моему мнению, справедливому и особенно благосклонному ко мне начальнику.

В конце 1806 г. генерал Касперский уехал лечиться на Кавказ, а в начале 1807 г. мы выступили вторично в поход против французов, в феврале месяце. До возвращения Касперского батальоном командовал полковник Эйлер; от Гатчины начались для нас усиленные переходы, и под артиллерию давали на каждой станции до тысячи подвод, так что орудия, представленные на сани, две трети дороги везлись на обывательских лошадях, а офицеры все ехали на подводах. Со всем тем больших особенно переходов мы не делали, но только дневки или расстахи были через 3 или 4 дня. Около Шавли нагнал нас Касперский, и я опять попал на его хлебы. В марте месяце мы перешли границу Пруссии и тут узнали, как мы называли «пятую стихию», грязь! Дороги от весенней ростепели до такой степени распустились, что артиллерия в сутки не могла идти в иной день боле двух или трех верст переходом, и один из офицеров наших, Глухов,⁸³ на большой дороге с лошадей едва не утонул, но лично сам был спасен, а конь его совсем пошел... в землю! Таким образом тянулись мы до Инстербурга. В апреле подались мы вперед до Бартсонстельна; оттуда генерал мне дал комиссию – отправиться в Кенигсберг для приема на бригаду овса. Собственная же цель моего туда отправления была в том, что я узнал, что брат мой Александр тяжело ранен в январе месяце под Берффридом, лежит в Кенигсберге, где я и отыскал его, прожив с ним более двух недель, а гвардию нагнал уже после сражения под Гутштатом (при Гутштате, 27 мая).⁸⁴

Два брата мои, Николай и Александр, служили в Углицком мушкетерском полку,⁸⁵ где был шефом генерал-майор барон Герсдорф.⁸⁶ Он любил обоих братьев, как сыновей своих. Николай был майором, Александр – штабс-капитаном. За два или за три дня до сражения под Прейсиш-Эйлау⁸⁷ полк их был расположен около деревни Берффрид и врасплох был атакован французами. Брат Николай первый собрал батальон, бросился с ним на плотину, опрокинул французов и дал время собраться и опомниться всему полку, – одним словом, спас честь, а может быть, и жизнь своему начальнику, но сам получил рану в живот пулей. Другой брат, Александр, пробит пулей в грудь навывлет. На последнем была шинель на овчинном меху, мундир, по-тогдашнему в груди подложенный ватой, теплая шерстяная фуфайка, – и выстрел по

---

⁸² *Шумский* Михаил Андреевич (1803–1851), флигель-адъютант (1824–1826), отставной поручик. Сын солдатки Лукьяновой, которого А. Ф. Минкина выдавала за своего сына от А. А. Аракчеева. Несмотря на заботы мнимого родителя о его воспитании и образовании, вел разгульную жизнь. Скончался в больнице приказа общественного призрения от лихорадки.

⁸³ *Глухов* Борис Григорьевич (ок. 1788–?), штабс-капитан 4-й артиллерийской бригады (1817). В 1807 г. – подпоручик Лейб-гвардии Артиллерийского батальона.

⁸⁴ Сражение при Гутштате (Восточная Пруссия) произошло 24 мая 1807 г. между русской армией под командованием генерала Л. Л. Беннигсена (100 тыс. чел.) и французским корпусом под командованием маршала М. Нея (30 тыс. чел.). Русские войска попытались окружить французский авангард во главе с Неем, но французам удалось избежать окружения и разгрома. Гутштатское дело заставило Наполеона предпринять против русской армии более активные действия.

⁸⁵ *Углицкий мушкетерский* (пехотный) полк образован в 1708 г., как 1-й гренадерский Бильса полк. В 1727 г. переименован в Углицкий пехотный. Упразднен после октября 1917 г.

⁸⁶ *Герсдорф* (Герздорф) Карл Максимович, барон (1761–1813), генерал-майор (1800), шеф Углицкого мушкетерского (пехотного) полка (1800–1813).

⁸⁷ *Сражение под Прейсиш-Эйлау* (Восточная Пруссия) состоялось 26.1.1807 между русско-прусской армией под командованием генерала Л. Л. Беннигсена (78 тыс. чел., в том числе 8 тыс. пруссаков) и французской армией под командованием императора Наполеона (70 тыс. чел.). В результате упорного многочасового сражения обе стороны понесли большие потери: русские – до 26 тыс. ранеными и убитыми, французы – ок. 30 тыс. Сражение при Прейсиш-Эйлау оценивалось современниками как стратегический успех русской армии.

нем был сделан весьма близко, потому что пуля пробила шинель, мундир и проч., прошла под правые сосуды груди, вышла назад под правую лопатку, пробив опять рубашку, фуфайку, стаметовую подкладку, остановилась между одной и сукном мундира. Сочли его за мертвого и оставили на месте сражения, Николая же положили на подводу и отправили к обозу. Считая свою рану легкой, он ждал с нетерпением рассвета, чтобы освободили его живот от пули; о ране или, как полагали, о смерти брата от него скрывали. Батальон же, прогнав французов, подался несколько вперед; но к ночи ему приказано было возвратиться назад к полку, а полку тоже ретироваться далее прежней их позиции; брата Николая положили опять на подводу и через два часа его не стало. Брат же Александр в поле на 20-градусном морозе пролежал часов шесть на земле, истекая кровью. Но как неисповедимы судьбы Божии! Он только за несколько дней до сражения поступил во фронт, а до того времени был полковым казначеем. Когда сочли его убитым, то оставили в поле и накрыли его шинелью; место, где он лежал, было сажень в сорока от дороги. Когда батальон ретировался к полку, унтер-офицер, бывший когда-то писарем при брате, шел стороной, не по дороге, а полем, и набрел на убитого офицера. Ночь была лунная; он снимает шинель и начинает шарить в боковом карман мундира брата, находит там золотые часы и узнает оные! Наклонившись к лицу убитого, дабы рассмотреть хорошенько, слышит слабое дыхание, тотчас же бежит на большую дорогу и просит помощи подобрать раненого. Между тем батальон его уже прошел, а шел батальон другого полка, – не помню какого, – но только поручик этого батальона, князь Абамелек,⁸⁸ идет с несколькими солдатами к раненому, берут его на руки и почти волоком тащат до большой дороги, где, увидя идущую артиллерию, упрашивают артиллеристов положить раненого на лафет, и таким образом везли брата с лишком 15 верст до первой перевязки его раны.

Брат умер в 1842 г., страдая, конечно, во всю свою жизнь слабостью груди.

При этом не могу без признательности вспомнить добрым и теплым словом поступок генерала барона Герсдорфа. В память покойного брата, пожертвовавшего жизнью за спасение его и чести полка, он назначил его семейству по свою смерть производить лично от себя по 500 р. ассигнациями ежегодно, а по смерти своей приказал выдать единовременно 10 тыс. р., что и было выполнено в точности. Николай похоронен в Пруссии, недалеко от того места, при котором был ранен.

Прибыв к бригаде после Гутштатского сражения, после одного перехода еще вперед, мы пошли опять обратно к Гейльсбергу, где еще предварительно были устроены сильные укрепления; тут 27 мая (28 мая) произошло небольшое сражение,⁸⁹ в котором и я тоже участвовал в звании адъютанта. От Гейльсберга пошли мы к Фридланду; погода в это время была прекраснейшая. К Фридланду мы подошли вечером 1 июня. Тут слышал я разговор генерала, что наши набрали на небольшой отряд французов в городе, и как тот отряд ретировался, то вслед одного отправлена часть гвардейской кавалерии, а для подкрепления начали посылать через город полк за полком и пехоту. Кавалерия, пройдя город, тотчас же расположилась в позиции под стенами города. За пехотой пошла и наша артиллерия. После полудня все наши роты выдвинуты были вперед и сделали несколько выстрелов, – равно и по ним было сделано несколько выстрелов со стороны французов и подбит один лафет в роте графа Аракчеева. Генерал, к которому подъехал командир роты, объявив об этом, послал меня за реку обратно, привезти запасный лафет, с подтверждением, чтобы остальные артиллерийские запасы оставались на том же берегу. Я выполнил сие приказание, и когда приехал к батарее, моего генерала уже не

---

⁸⁸ По всей видимости, имеется в виду князь Петр Семенович Абамелик, поручик Тенгинского мушкетерского полка, в последствии – генерал-майор (1818).

⁸⁹ Сражение при Гейльсберге (Восточная Пруссия), состоялось 29.5.1807 между французским авангардом под командованием маршала Н. Сульта (30 тыс. чел.) и русской армией под командованием генерала Л. Л. Беннигсена (80 тыс. чел.). Упорный и кровопролитный бой, в котором Беннигсен получил ранение, прекратился с наступлением ночи, не принеся успеха ни одной из сторон. Русские потеряли около 10 тыс., французы – 8 тыс. чел. На следующий день Беннигсен отошел к Фридланду.

застал, – мне сказали, что он только что отъехал за реку. Это было уже около 5 или 6 часов пополудни. Я вернулся и отыскал генерала, который мне сказал, что ему приказано на этом берегу отыскать позицию для батареи и что гвардия вся придет на эту дорогу.

Возвращаясь к генералу, я видел множество гвардейских офицеров в городе сидящими под окнами в домах; солдаты же были, как я сказал, у самых стен города. Из всего должно было полагать, что до серьезного дела не дойдет, и беззаботные офицеры ожидали только прохождения своих полков через город. Часов в 7 вечера вокруг города открылась канонада. Совершенный ад!.. Из трех мостов на реке левее перед городом, из которых нижний был постоянный, а два – понтонные, последние два тотчас запылали. Поднялась кутерьма, и все улицы наполнились солдатами без начальников. Офицеры бросились к местам своим, но там уже солдат не было, а представлялся невообразимый хаос. Все перемешалось: пехота, артиллерия, кавалерия – друг друга топчет, зарядные ящики взрывает, неприятель так и насаждает на нас; мы столпились в улицах так, что нет возможности двинуться куда-нибудь; наконец часть кавалерии кинулась в реку вплавь, а пехота вытянулась в нитку, человек за человеком: вот картина, которую я видел и которую называют «сражение под Фридландом».⁹⁰ А к довершению всего – флегма-главнокомандующий (Бенингсен),⁹¹ едущий с небольшой свитой, но, как будто не его дело, не обращает никакого внимания.

В эту же ночь мы пошли к Ваму берегом реки, а оттуда потянулись на Тильзит.

Последствия и происшествия, приведшие к Тильзитскому миру,⁹² всех печалили; а как я пишу то, что лично видел и где сам участвовал, то скажу, что мой генерал мне предлагал отправиться в Тильзит с полуротой при первом батальоне Преображенского полка, отряженного в главную квартиру Наполеона, для содержания там караулов при государе; но я из патриотизма от сего отказался.

В Петербург мы возвратились в октябрь месяце, и за дела при Гейльсберге и под Фридландом я награжден золотой шпагой с надписью: «За храбрость».

По моем возвращении я нашел в графе к себе то же самое расположение, как и прежде; но когда я стал у него проситься в отпуск, то он шуткой мне отказал, говоря: «Еще рано тебе ездить, надо прежде послужить», а потом согласился вместо четырех месяцев отпустить меня только на 28 дней, но я предупредил его, что буду просить отсрочки; он отвечал, что не даст мне ее. Когда я приехал в Смоленск, где, так сказать, познакомился с моей матерью, – ибо, будучи отдан в корпус пяти лет, я совершенно не знал и не помнил ее, – нашел там сестру, бывшую замужем за комиссионером Фроловым, назначенным в турецкую армию⁹³ казначеем, и брата Александра, только что возвратившегося из-за границы и вышедшего в отставку.

Я прибыл в Смоленск накануне 1808 г. и тотчас же подал рапорт, что я болен, и взял свидетельство о том из врачебной управы, от тестя покойного моего брата, служившего членом оной. Граф Аракчеев, сделавшийся в это время (13 января) военным министром, предписал немедленно выслать меня из Смоленска, что, однако же, не исполнилось, и я действительно пробыл в отпуску четыре месяца, а когда возвратился, то Аракчеев заметил мне: «Ты упрямее меня – поставил на своем!..»

---

⁹⁰ *Сражение под Фридландом* состоялось 2.6.1807. Французская армия под командованием Наполеона (85 тыс. чел.) нанесла поражение русско-прусским войскам (55 тыс. чел.). После упорного боя союзные войска были разгромлены и вынуждены отойти. Потери русских войск составили, по разным сведениям, от 5 до 15 тыс. чел. Поражение привело к заключению перемирия, а затем и Тильзитского мира между Россией и Францией.

⁹¹ *Бенингсен* Леонтий Леонтьевич (1745–1826), граф (1813), генерал от кавалерии (1802). В 1807 г. – главнокомандующий русской армией. За Пултук получил орден Георгия 2-го класса, за Прейсиш-Эйлау – орден Св. Андрея Первозванного. После поражения под Фридландом «уволен до излечения болезни». В 1812 г. вернулся на службу.

⁹² *Тильзитский мир* – договор «о мире, дружбе и союзе» между Россией и Францией, завершивший русско-пруско-французскую войну 1806–1807 гг. Заключен в г. Тильзите 25.6.1807 в результате личных переговоров императоров Александра I и Наполеона I.

⁹³ Имеется в виду Дунайская армия.

Еще до отбытия моего в отпуск он приказал мне по бытности в Смоленске обратить внимание на две артиллерийские роты, там квартировавшие, предварив, что по возвращении моем он подробно меня на счет их расспросит. Приняв это поручение в некотором роде за секретное полицейское, я душевно оскорбился, но послушаться Аракчеева не смел и не решался; а как, на мое счастье, в Смоленск был командирован нашей же бригады подпоручик Козлов для показания в упомянутых ротах порядка строевого, то я тотчас же по прибытии моем объявил ему о сделанном мне поручении и просил его познакомить меня с обоими ротными командирами, с подполковником Штаденем⁹⁴ и майором Залдек-Пиковским.⁹⁵ Первого в города не случилось, а последний очень понял мою должность и принял меня с большим радушием. Когда же возвратился Штаден, то я, почитая обязанностью моей представиться ему, как старшему в городе артиллерийскому начальнику, немедленно поехал к нему. Он предварен был Залдеком обо мне, и когда я явился, то он очень сухо встретил меня словами:

– Мне сказывали, что вы имеете поручение от Аракчеева – осмотреть вверенные мне роты; не прикажете ли, я их обе выведу в строй и представлю вам как инспектору!

Обиженный таким приемом, я отвечал, что граф не давал мне поручения инспекторского, но частно приказал мне озаботиться о сведениях, относящихся к положению рот, и я частью уже сие исполнил. Но по благородству чувств не желал, чтобы меня принимали за шпиона, и потому просил товарища моего, Козлова, предупредить его, Штадена, и Залдека, чтобы они не рисковали своей репутацией, ибо я начальника моего обманывать не хочу и не стану! Но ежели он принимает это в другом виде, а соглашается показать мне роту свою по форме, то я и от этого не откажусь и по осмотре форменно донесу обо всем графу!

Строптивный Штаден, видя мою решимость, с шуткой подозвав своего сына, лет пяти мальчика, скомандовал ему:

– Сми-рно! На пра-во! Во-фронт! На ле-во! Во-фронт! На лево кру-гом! Скорым шагом – марш! – обратился ко мне:

– Вот видите, как я учу собственного своего рекрута, то мне нечего бояться за свою роту, – и мы расстались очень холодно.

Первое мое знакомство в Смоленске было с домом Лаптевых, и я почти ежедневно бывал там и только там встречался со Штаденем. Перед выездом моим из Смоленска обоим ротам дано приказание выступить в Санкт-Петербург, и я в пути обогнал их на второй станции. Штаден, узнав, что я проезжаю, приехал сам на станцию и просил меня отобедать у него. Тут он переменял совершенно свой тон – хлопотал о моем спокойствии в вояже и просил, когда они придут в Петербург, о более коротком с ним знакомстве. По прибытии моем в столицу явился я к Аракчееву, бывшему уже военным министром, который подробно меня расспрашивал о положении рот, находившихся в наружном отношении вовсе не в завидном виде. Я, расхвалив обоих командиров, откровенно сказал все, что знал насчет лошадей и обучения солдат. Недели через две из Гатчины тайно приехал ко мне Залдек-Пиковский и просил меня объявить, что расспрашивал граф и как я их описал, – я и ему отвечал со всей откровенностью. Обе роты вступили в Петербург во вторник, на Фоминой неделе.⁹⁶

Аракчеев велел им парадировать мимо себя, и когда рота Штадена прошла, а Залдека начала проходить, то при обоих ротных командирах он подозвал меня к себе и сказал вслух:

---

⁹⁴ *Штаден* Евстафий Евстафьевич (1774–1845), генерал от артиллерии. В 1808 г. – подполковник 16-й артиллерийской бригады. Участник кампаний 1805, 1812, 1813 гг. После возвращения из заграничных походов был начальником артиллерии 1-го корпуса. Командир Тульского оружейного завода в 1817–1825 гг. В 1824 г. назначен инспектором всех оружейных заводов. В 1831–1838 гг. – тульский военный губернатор с управлением гражданской частью.

⁹⁵ Вероятно, имеется в виду майор 18-й артиллерийской бригады Занден-Пескович. Впоследствии полковник, командир Рижского артиллерийского гарнизона (1814).

⁹⁶ Неделя, следующая за Пасхой.

– Благодарю тебя, «Журкевич», что ты не сделал привычки обманывать меня; роты нахожу, как ты описал мне их. Жаль, что они опоздали дня три, а то я приказал бы им маршировать прямо под качели. Там было бы для них приличное место.

Штадену особенно приказал заботиться лучше о строе и в этом отношении руководствоваться моими советами, что Штаден охотно и усердно принялся выполнять. Этот случай описан мной подробно с целью ознакомить Штадена, бывшего после непосредственным моим начальником.

Весь 1808 г. прошел для меня в усиленных занятиях; Аракчеев, бывши военным министром, хотел сему званию придать особенное уважение. Всех вообще, даже лиц близких по родству к государю, принимал как начальник, с прочими генералами обращался, как с далекими подчиненными; ездил по городу и во дворец всегда с особым конвоем. Один раз, сделавшись нездоров, целую неделю никуда не выезжал из дома, и государь был столь внимателен к заслугам сего государственного человека, что каждый день приезжал к нему рассуждать о делах. В один из таковых дней за болезнью двух адъютантов графа я был им приглашен дежурить у него и должен был стоять у дверей кабинета, когда он читал свой доклад государю. В подобных случаях стоящий обыкновенно у дверей камердинер всегда был удаляем из покоя, дабы не мог слышать, о чем говорилось в кабинете, что было весьма благоразумно, так как государь на слух был несколько крепок, то граф должен был докладывать весьма громогласно, так что на том дежурстве я слышал вполне читаное донесение из турецкой армии фельдмаршала князя Прозоровского,⁹⁷ представлявшего армию в весьма жалком отношении.

Когда Аракчеев переехал на дачу, на Выборгскую сторону, то государь, щадя его здоровье, и туда продолжал ездить ежедневно.

Кстати, здесь расскажу несколько о домашнем быте графа. В начале 1806 года он женился на дворянке Ярославской губернии Настасье Васильевне Хомутовой,⁹⁸ девице лет 18, очень недурной собой и весьма слабого и деликатного сложения. Графу в то время было лет 50, а может быть, и более; собой был безобразен и в речах произношения гнусливого, что еще более придавало ему лично неприятности, – и с самых первых дней его женитьбы замечено было, что он жену свою ревнует. Еще до женитьбы, ведя жизнь отдаленную от общества, он еще более после того отдалился от него. Обыкновенно вставал поутру около 5 часов; до развода он занимался в кабинете делами с неумеренной деятельностью; читал все сам и на оные клал собственноручные резолюции. Весьма часто выходил к разводу и всегда бывал при этом выскателен, так что ни один развод не оканчивался без того, чтобы один или несколько офицеров не были бы арестованы. В 12 часов или в первом ездил во дворец с докладом, и проезд его мимо караулов и вообще всех военных был всегда грозой. Около половины третьего возвращался домой и в три часа аккуратно садился за стол; кроме жены, брата ее – графского шурина Хомутова, служившего у нас подпоручиком, – почти всегда обедали графские адъютанты, Творогов⁹⁹ и Мякинин, и кто бывал дежурными, в том числе и мне приводилось несколько раз обедать у него. Из посторонних гостей, что бывало, впрочем, весьма редко, чаще других бывали у него: Сергей Михайлович Танеев,¹⁰⁰ павловский отставной генерал-майор, вечно носивший длиннопольный сюртук, смазные сапоги и голову, обстриженную в кружок; генерал-майор Федор Иванович Апрельев¹⁰¹ и Петр Иванович Римский-Корсаков¹⁰² – надворный советник и советник

⁹⁷ *Прозоровский* Александр Александрович (1732–1809), князь, генерал-фельдмаршал (1807). В 1808–1809 гг. – главнокомандующий Дунайской армией.

⁹⁸ Жиркевич ошибается: жену Аракчеева звали Наталья Федоровна Хомутова (1783–1842), дочь генерал-майора Федора Николаевича Хомутова, с 1806 г. – супруга А. А. Аракчеева.

⁹⁹ *Творогов* (Тварагов) Степан Трофимович (1769–после 1816), генерал-майор (1814), флигель-адъютант (1807). В 1806 г. – подполковник, инспекторский адъютант А. А. Аракчеева.

¹⁰⁰ *Танеев* Сергей Михайлович (1749–1825), генерал-майор.

¹⁰¹ *Апрелев* Федор Иванович (1763 или 1864–1831), генерал-лейтенант. В 1792 г. при великом князе Павле Петровиче

ассигнационного банка; оба они были соседями графа по его имению в Новгородской губернии; иногда обеживали генерал Касперский и полковник Ляпунов,¹⁰³ командовавший ротой графа. Обед был всегда умеренный, много из пяти блюд, приготовленный просто, но очень вкусно; вина подавалось мало. За столом сидели не более получаса, и граф всегда был разговорчив и шутив, иногда даже весьма колко, насчет жены. Так, однажды при мне он сказал ей:

– Вот, матушка, ты все хочешь ездить, кататься, гулять, – рекомендую тебе в кавалеры адъютанта моего «Журкевича».

– Что же, – отвечала графиня, – я совершенно уверена, что господин Жиркевич не откажет бы мне в этом, если бы я его попросила.

– Хорошо, если ты будешь просить, – возразил граф, – он еще сам не просит, ребенок еще, а впрочем, и теперь не клади палец ему в зубы – откусит!..

Графиня видимо сконфузилась и покраснела.

Другой раз, тоже за обедом, – не знаю именно, по какому случаю, обедали я и бывший накануне дежурным адъютантом Козляинов, – граф в продолжение обеда был необыкновенно весел, а в конце подозвал камердинера и на ухо отдал ему какое-то приказание; тот немедленно вышел и тотчас же подал графу какую-то записку.

– Послушайте, господа, – сказал граф, обращаясь к присутствующим, которых было человек с 10. – Высочайший приказ. Такого-то числа и месяца. Пароль такой-то. Завтрашнего числа развод в одиннадцать часов. Подписано: батальонный адъютант Жиркевич (при этом он взглянул на меня). Тут нет ничего особенного, кажется, – продолжал граф, – а вот где начинается редкость, так редкость! Слушайте! «Любезный Синица! (Это был первый камердинер графа.) Если нет графа дома, то положи ему приказ на стол, а если он дома, то уведомя меня немедленно, но отнюдь не говори, что уходил с дежурства!» Тут недостает нескольких слов, – продолжал граф, – «твой верный друг» или «ваш покорнейший слуга», а подписано, посмотрите сами, «М. Козляинов!» – и передал записку, чтобы она обошла кругом стола. – Вот, господа, какие окружают меня люди, что собственный адъютант учит плута-слугу моего меня обманывать и подписывает свое имя. Впрочем, это замечание я не обращаю к вам, господин Козляинов, вы более не адъютант мой!..

В другой раз, по ежедневной службе моей прибыв в предкабинетный покой, где обыкновенно ожидали приема графа генералы и другие важнейшие лица, я увидел на дверях кабинета прибитый лист в виде объявления. Я любопытствовал взглянуть на оный; что же оказалось? Крупными литерами написано: «Я, Влас Васильев, камердинер графа Алексея Андреевича, сим сознаюсь, что в день Нового года ходил с поздравлением к многим господам и они мне пожаловали в виде подарков...» (тут поименно значилось, кто и сколько ему дал денег), и далее Васильев изъясняет свое раскаяние и обещается вперед не отлучаться за милостыней.

Из министров, кажется, никто с графом не был лично близок, кроме министра внутренних дел Козодавлева,¹⁰⁴ который иногда тоже у него обеживал.

состоял в Гатчине для исправления орудий и обучения артиллеристов. Везжая, рекомендовал на свое место своего земляка А. А. Аракчеева. В 1809 г. вышел в отставку «по болезни», через несколько лет вернулся на службу и дослужился до чина генерал-лейтенанта. Весной 1825 г. ходили слухи о том, что министром внутренних дел будет назначен «Аракчеева любимец Апрельев, доброй фрунговик с дурною душою». Апрельев в это время состоял при генерал-фельдцейхмейстере великом князе Михаиле Павловиче в чине артиллерии генерал-майора. Дружеские отношения с Апрельевым и его семейством А. А. Аракчеев поддерживал на протяжении всей жизни.

¹⁰² Возможно, имеется в виду Петр Воинович *Римский-Корсаков* (?–1815), владелец имения в Тихвинском уезде Новгородской губернии (дед композитора Н. А. Римского-Корсакова), отставной гвардейский секунд-ротмистр.

¹⁰³ *Ляпунов* Семен Ефимович, капитан Лейб-гвардии Артиллерийского батальона (1806), командир батарейной графа Аракчеева роты. В 1807 г. получил чин полковника, в декабре 1811 г. назначен командиром 9-й артиллерийской бригады.

¹⁰⁴ *Козодавлев* Осип Петрович (1754–1819), государственный деятель, литератор, переводчик. В начале 1783 г. – советник при директоре Императорской Академии наук, княгине Е. Р. Дашковой. В 1784 г. – директор народных училищ С.-Петербургской губернии, член комиссии об учреждении народных училищ, автор проекта устава русских университетов. В царствование Павла I – обер-прокурор сената, сенатор; при Александре I – член комиссии по пересмотру уголовных дел, в

Вот как рассказывали мне развод графа Аракчеева с его женой. В 1807 г., отъезжая в армию, Аракчеев отдал приказание своим людям, чтобы графиня отнюдь не выезжала в некоторые дома, а сам, вероятно, ее не предварил, – и один раз, когда та села в карету, на отданный ей приказ куда-то ехать лакей доложил ей, что «графом сделано запрещение туда ездить!». Графиня хладнокровно приказала ехать на Васильевский остров к своей матери и оттуда уже домой не возвращалась. Когда же по окончании кампании граф возвратился в Петербург, он немедленно побежал к жене и потом недели с две ежедневно туда ездил раза по два в день. Наконец, однажды графиня села с ним в карету и проехала с ним Исаакиевский мост, граф остановил экипаж, вышел из него и пошел домой пешком, а графиня возвратилась к матери и более не съезжалась с ним.

До женитьбы Аракчеева в доме у него хозяйничала крепостная, но им отпущенная на волю женщина Настасья.¹⁰⁵ Достоверно никто не знает, были ли у него от нее дети, но два приемыша, воспитанные в пажеском корпусе, а потом служившие в артиллерии и дошедшие до чинов генерал-майора – Корсаков¹⁰⁶ и до поручичьего чина и флигель-адъютантского звания – Шумской, почитаемы были за его сыновей, а последнего он почти сам выдавал за такового. Но этот ему заплатил особой неблагодарностью: быв за границей, в нетрезвом виде, наговорил ему лично много дерзостей, за что лишен был флигель-адъютантского звания и переведен в гарнизон. Когда графиня Аракчеева отказалась жить с мужем, то Настасья по-прежнему вступила к нему в права хозяйки, в деревню его Грузино, и там имела жестокий конец. Один из комнатных лакеев ее зарезал, а граф из привязанности к ней и под видом благодарности приказал похоронить ее в грузинской церкви, возле того места, где под особым монументом, воздвигнутым в память государя Павла Петровича, он заблаговременно приготовил для своего праха склеп, и где действительно и положен. Сие происшествие случилось незадолго пред кончиной государя Александра Павловича и наделало много шума в столице.¹⁰⁷

В 1808 г. государь ездил в Эрфурт для свидания с Наполеоном.¹⁰⁸ Пред возвращением его пришла мысль гвардии дать ему бал, для чего с каждого офицера было взято 50 рублей. Бал был в доме графа Кушелева,¹⁰⁹ где теперь Главный штаб, против Зимнего дворца. Народу было множество, но по обширности дома и по разделению предметов празднества, т. е. танцы, театры, акробатические представления, ужин и т. п., все разбивалось в разные отделения и зябло, ибо на дворе стужа была необыкновенная, а покоев, сколь ни силились топить, согреть не могли. Во время танцев на канате у акробатов начали коченеть ноги, главный танцор упал и сломал себе ногу; в зале было так холодно, что местах в десяти горел спирт, а дамы все были закутаны в шали и меха.

Из благодарности за этот бал государыня императрица Мария Феодоровна¹¹⁰ дала особый бал в Зимнем дворце, к которому были приглашены без изъятия все офицеры гвардейских полков (чего прежде не случалось, ибо приглашали известное число таковых), и по гвар-

1810 г. – министр внутренних дел. Один из главных сотрудников Александра I по вопросу об улучшении быта крестьян. В 1809 г. основал официальную газету «Северная Почта», где был и редактором, и сотрудником.

¹⁰⁵ *Минкина* Анастасия Федоровна (?–1825), дочь крестьянина села Грузино, управительница имения А. А. Аракчеева. Одно время была замужем за отставным матросом Шумским.

¹⁰⁶ *Корсаков* Александр Львович, генерал-майор, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

¹⁰⁷ Уголовное дело об убийстве Анастасии Минкиной описано А. И. Герценом в произведении «Былое и думы».

¹⁰⁸ Переговоры между императорами Александром I и Наполеоном I проходили в Эрфурте (Тюрингия) 15.9–2.10.1808. Результаты переговоров зафиксированы в секретной Эрфуртской союзной конвенции (Франция получила время для завершения войны в Испании, Россия добилась присоединения Финляндии).

¹⁰⁹ *Кушелев* Григорий Григорьевич (1754–1833), граф (1799), адмирал (1799), вице-президент Адмиралтейств-коллегии, автор ряда сочинений по организации военно-морского флота. Один из богатейших людей своего времени, получивший огромное приданое за женой – графиней Безбородко.

¹¹⁰ *Мария Феодоровна* (София Доротея Августа Луиза) (1759–1828), императрица Всероссийская (с 1796), супруга великого князя (затем императора) Павла Петровича (с 1776). Дочь герцога Фридриха Евгения Вюртембергского. После гибели мужа целиком посвятила себя благотворительной деятельности, развитию женского образования.

дейскому корпусу было отдано особое приказание от великого князя Константина Павловича, чтобы, кроме дежурных, непременно быть всем на балу к восьми часам вечера; за небытие или опоздание будет взыскано, как за беспорядок по службе.

Около нового, 1809 г. прибыли в Петербург прусские король и королева,¹¹¹ и в продолжение четырех недель мы были даже измучены веселостями и приглашениями ко двору. Я, как адъютант, должен был всегда сопровождать генерала своего, Касперского. При одном параде, когда гвардейская артиллерия была представляема королю, я был верхом на лошади моего генерала; но парад как-то не удался. От Аракчеева отдан был приказ по артиллерии с замечаниями, где и на мой счет досталась выходка: «Адъютант был на такой лошади, на каковой офицеру вовсе не прилично быть в строю!»

Я сказал выше, что зять мой, Фролов, находился в турецкой армии казначеем при комиссионерстве. Он приехал в марте месяце с каким-то донесением к графу; это подало мне мысль просить о переводе его из армии на местную службу в Смоленск, и когда я сделал это, то граф отвечал мне:

– Не было еще примера, чтобы из турецкой армии выпустили комиссионера иначе, как со штрафом, и этого нельзя сделать и для Фролова.

Но вслед за тем, не предвзя меня, приказал немедленно перевести его в Смоленск, где он и получил место главного смотрителя госпиталя. Когда он подал графу привезенные бумаги, тот спросил его:

– По дороге заезжали вы к жене вашей?

Тот испугался, ибо действительно свернул с прямого пути и пробыл в Смоленске несколько часов, однако же отвечал:

– Точно, заезжал.

– Когда поедете назад, – прибавил граф, – я позволяю вам пробыть дома с женой, а далее, что будет, посмотрим. Я знаю, что вы женаты на сестре адъютанта моего Журкевича, кланяйтесь ей от меня!

В апреле месяце стали носиться слухи о новой кампании против австрийцев в совокупности с французами.¹¹² Мне пришло в голову проситься в армию, и едва я сказал о том графу, как он с лаской одобрил мое намерение и перед отъездом приказал мне явиться за письмом от него к главнокомандующему армией генералу князю Сергею Федоровичу Голицыну.¹¹³ Но когда я приехал откланиваться перед отъездом и объявил ему, что имею намерение в проезд мой через Смоленск пробыть несколько дней у моей матери, он сказал, что теперь писать со мной не будет, но напишет особо, что в точности исполнил.

Я приехал в Белосток, где была еще главная квартира, в последних числах мая, явился к князю Голицыну и к графу Кутайсову¹¹⁴ – начальнику артиллерии. Последний тотчас же предложил мне занять должность его адъютанта, и я благодарил его за это предложение. Кутайсов поехал к Голицыну просить его разрешения на этот предмет, а тот отвечал:

---

¹¹¹ Луиза (Августа Вильгельмина Амалия) (1776–1810), супруга короля Фридриха Вильгельма III. Дочь герцога Карла Мекленбург-Стрелицкого.

¹¹² Австрия открыто готовилась к новой военной кампании против Наполеона. Россия, согласно союзному договору с Францией, должна была выступить на ее стороне.

¹¹³ Голицын Сергей Федорович (1749–1810), князь, генерал от инфантерии (1797), член Государственного совета (1810). Выпускник Шляхетского корпуса, участник русско-турецких (1768–1774, 1787–1791) войн и Польской кампании 1792–1794 гг. В 1801 г. – Рижский генерал-губернатор и инспектор пехоты Лифляндской инспекции. В 1809 г. назначен командовать корпусом, отправленным в Галицию для совместных действий с французскими войсками против Австрии. Подойдя к австрийской границе, действовал крайне аккуратно: «Я больше боюсь моих союзников, чем моих врагов», – писал он. Вскоре после начала военных действий скоропостижно скончался в Галиции.

¹¹⁴ Кутайсов Александр Иванович (1784–1812), граф (1799), генерал-майор (1806). В 1809 г. – начальник артиллерии корпуса С. Ф. Голицына, участвовал с ним в походе в Галицию.

– Я вам не советую этого делать! Этот офицер прислан в армию от Аракчеева с какой-то особенной рекомендацией, а может быть, имеет поручение присматривать за нами, – я слышал, что он будет вести переписку с графом.

И точно. Граф, отпуская меня от себя, вслух при некоторых присутствовавших сказал мне:

– Я буду писать к Голицыну о тебе, а ты не забывай сам писать ко мне, – я с удовольствием буду получать твои письма!

Когда передавали мне слова князя Голицына, Кутайсов напомнил это обстоятельство, – я решился вовсе не пользоваться дозволением графа, дабы не прослыть шпионом, да и граф, вероятно, позабыл сам об этом, ибо после никогда уже не вспоминал об этом.

Я был назначен в 10-ю артиллерийскую бригаду в батареиную роту, которой командовал майор Данненберг.¹¹⁵ Мы двинулись с места и перешли границу в июне. Начальник 10-й дивизии генерал-лейтенант Левиз¹¹⁶ и шеф Фанагорийского гренадерского полка генерал-майор Инзов¹¹⁷ приласкали и приглашали меня всегда с приветливостью. Все наши действия ограничились одними передвижениями и наконец стоянкой в Галиции. Наша рота расположилась в Ярославле, между Краковым и Лембергом. Лично я проводил время довольно приятно, находясь часто в кругу генералов, где много слышал политических разговоров; между прочим, приведу несколько фактов.

Вся кавалерия у нас состояла из девяти дивизий, которой командовал князь Аркадий Александрович Суворов.¹¹⁸ Он был обожаем офицерами и солдатами, сколько в память незабвенного отца своего, столько по личным своим качествам. Дивизия его одна, которая встречалась с неприятелем, т. е. австрийцами, но друг по другу никогда не стреляли, а всегда оканчивалось переговорами: «Если вы не уступите нам позицию, которую вы занимаете, – объявлял им князь, – и не отойдете далее, мы начнем действовать»; и австрийцы за этим снимали свой лагерь, а наши занимали место, где прежде стояла австрийская армия. В некоторых местах польские офицеры из войска, находившегося под командой князя Понятовского,¹¹⁹ делали набор рекрутов из поляков. Суворов, проходя города, где делался набор, распускал конскриптов, утверждая, что они, как подданные австрийского императора, не могут искренно служить против него. Но зато поляки принимали другие меры: они подкупали лучших солдат наших и уговаривали их к побегам, – и это было так часто, что в той роте, где я служил, дезертировали из Ярославля более 10 человек лучших рядовых и даже два с георгиевскими крестами, чего прежде никогда не случалось.

При Левизе был адъютантом драгунский капитан Прендель.¹²⁰ Физиономия совершенно еврейская, и о нем носились слухи, что он точно из евреев и бывает употребляем от нас как шпион во французской армии. Не знаю, до какой степени было это справедливо, но в течение

---

¹¹⁵ *Майор Данненберг* в 1809 г. командовал батареей № 10 артиллерийской ротой. Уволен от службы в 1810 г. подполковником.

¹¹⁶ *Левиз* Федор Федорович (1767–1824), генерал-лейтенант (1807). В походе в Галицию участвовал в качестве командира 10-й пехотной дивизии.

¹¹⁷ *Инзов* Иван Никитич (1768–1845), генерал от инфантерии (1828). В 1809–1810 гг. был командиром Киевского гренадерского полка.

¹¹⁸ *Суворов* Аркадий Александрович (1784–1811), граф Рымникский, генерал-лейтенант, сын великого русского полководца А. В. Суворова.

¹¹⁹ *Понятовский* Юзеф Антоний (1763–1813), князь, маршал империи (1813). Племянник последнего короля Речи Посполитой С. А. Понятовского. С 1808 г. главнокомандующий Войском Польским. В 1809 г. успешно командовал Польской армией в войне против Австрии. В 1812 г. командовал 5-м армейским (польским) корпусом Великой армии Наполеона.

¹²⁰ *Прендель* Виктор Антонович (1766–1852), генерал-майор (1831). Из австрийских дворян. С 1804 г. на российской службе, с чином штабс-капитана определен в Черниговский драгунский полк. В 1805 г. исполнял особые поручения при штабе М. И. Кутузова. В 1809 г. прикомандирован к французским войскам, был в сражениях при Регенбурге, Асперне и Ваграме. В 1810–1812 гг. в качестве военного агента в Дрездене выполнял разведывательные задания во Франции, Италии, Голландии, Австрии и Германии.

двух месяцев, которые мы провели в Ярославле, он исчезал раза три из круга нашего, и когда возвращался, то мы имели самые свежие и вернейшие сведения о положении дел как в главной нашей квартире, так равно и у французов. Даже утверждали, что с воли главнокомандующего он будто представлял подобную же роль во французской армии при маршале Нее,¹²¹ передавая ему то, что было приказано насчет наших войск.

Здесь же я познакомился с майором Ховеном,¹²² впоследствии сделавшимся моим непосредственным начальником и желавшим мне причинить большие неприятности и даже несчастье. Он был назначен командиром конной роты при 10-й дивизии; прибыв в Ярославль для принятия роты, приласкал меня и почти всякий день проводили мы вместе. Он отличался особенной деятельностью, как строевой, так и хозяйственной, и завел примерное щегольство в роте. Офицеры его крепко любили и уважали, ибо вне службы он со всеми был необыкновенно приветлив и обходителен, к тому же большой хлебосол. Но я тотчас заметил, что все это было в нем ненатуральное, но натянутое и с расчетом, ибо пред нашим ротным командиром Данненбергом, как пред старшим себя, он вытягивался в струнку и даже унижался излишними вниманиями, а за глаза беспрестанно смеялся на его счет и критиковала все его поступки. Здесь же я был произведен на вакансию поручика.

---

¹²¹ *Ней* Мишель (1769–1815), герцог Эльхингенский (1808), князь Москворецкий (1813), маршал империи (1804). В 1809–1811 гг. сражался во главе своего Третьего армейского корпуса в Испании и Португалии.

¹²² *Ховен* Егор Федорович, генерал-майор. В 1810 г. – майор конной № 22-го артиллерийской роты. В 1815 г. переведен в Лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. В 1816–1821 гг. – командир 1-й Лейб-гвардии артиллерийской бригады.

Часть III***1810–1812

Аракчеев уволен от звания военного министра. – Барклай де Толли. – Ермолов. – Безрассудная отвага офицеров. – Сухозанет. – Объявление о войне с французами. – Дело под Видзами. – Рахманов и граф Ожаровский. – Движение Депрерадовича к Смоленску. – Спасение тещи и невесты.

В мае 1810 года возвратился я в Петербург. Припоминаю забавный анекдот с одним из моих товарищей, поручиком Базилевичем. Высокого роста, широкоплечий, красивый собой, но довольно ограниченный, он имел привычку, возвращаясь с каких-либо маневров, шуточно рассказывать всем о своих проделках; подобным образом при обратном переходе со Смоленского поля в казармы на Исаакиевском мосту он подъехал ко мне и спросил:

– Видел ли ты, как сегодня государь, проезжая мимо меня, обласкал меня, поклонился, – и ни слова не сказал тебе!

Едва он успел кончить эти слова, сзади подъезжает верхом командовавший бригадой полковник Эйлер и самым жестким голосом говорит Базилевичу:

– Александр Иванович! Государь император приказал вас арестовать на 24 часа и посадить на арсенальную гауптвахту за то, что вы очень рано открыли пальбу из ваших орудий, когда еще не построились колонны к атаке!

Это нас всех так рассмешило, что у нас обратилось в пословицу, когда кого-либо посадят под арест, говорить: «Его обласкали, как Базилевича...»

В августе или сентябре того же 1810 г. граф Аракчеев передал звание военного министра Барклаю де Толли¹²³ и был причислен состоять при особе государя. По этому случаю он давал так называемый прощальный обед корпусу офицеров гвардейской артиллерии, единственный, сколько запомню, во все время моего служения с ним; ибо с этого времени он уже решительно не вмешивался ни в какое служебное отношение по бригаде. После обеда, перейдя в другие комнаты, мы с жадным любопытством читали в особой книжке собранные собственноручные записки к Аракчееву государей Павла и Александра, и, как кажется, книжка эта с умыслом была оставлена на столе в гостиной. Множество записок из этого числа были сокрыты под бумагой с приложением по углам печати Аракчеева, другие же лежали сверху, на виду. Теперь не припомню содержания многих из них, кроме писанной карандашом государем Павлом Петровичем, следующего содержания: «Барон! Кто такой дурак, который маршировал сегодня в вахтпараде, в замке такого-то взвода?..»

Генерал-майор Касперский еще в начале 1811 г. уволен был в отпуск для излечения болезни, и в его отсутствие командовал бригадой полковник Эйлер. Бывши ротным командиром, он занимался фронтовой службой, как мы тогда называли, «педантски», т. е. со всеми малейшими подробностями; а как в продолжение двух военных кампаний, в сражениях под Аустерлицем и под Фридландом, он заслужил репутацию нелестную для воина, то сослуживцы его крепко за это не любили. Но как удивился я, когда, возвратясь из похода моего в Галицию, я застал его уже командующим бригадой и услышал отзывы своих товарищей, что Эйлер совершенно переменялся, из педанта сделался, так сказать, товарищем для офицеров; расположение

---

¹²³ Барклай де Толли Михаил Богданович (1757–1818), граф (1813), князь (1815), генерал-фельдмаршал (1814), член Государственного совета (1810). Участвовал в русско-турецкой (1787–1791), русско-шведской (1788–1790) войнах и Польской кампании 1792–1794 гг. В 1800-х гг. участвовал в русско-прусско-французской и русско-шведской войнах. С 18.1.1810 по 24.8.1812 – военный министр Российской империи. В кампанию 1812 года – главнокомандующий 1-й Западной армии. Во время заграничных походов 1813–1815 гг. – главнокомандующий всеми русскими и прусскими армиями.

офицеров к себе он удержал до конца своего командования; а ко мне он даже был особенно внимателен.

В первых числах сентября 1811 г., приехал в Петербург генерал-майор Ермолов.¹²⁴ Он тогда был еще командиром конной роты, которую, однако же, сдал по новому положению другому штаб-офицеру, и потому считался только по артиллерии. Во время прошедших войн с французами Ермолов и князь Яшвиль¹²⁵ составили себе громкую репутацию первых артиллеристов по армии, хотя были оба совершенно отличны и образованием, и храбростью. Яшвиль – грузин, пылкий, более невежда, нежели образованный, но неглупый, опытный и отчаянно заносливый в сражениях. Ермолов же, напротив, твердый, скрытный, необыкновенного ума, с познаниями обширными и теоретическими, и практическими, в сражениях примерно хладнокровен. Оба они относительно нас, гвардейской артиллерии, отзывались весьма нелестно и в особенности о наших полковниках Эйлере и Ляпунове; даже слух носился, что Ермолов при ретираде под Фридландом, нагнав обе батарейные роты, которыми тогда они командовали, искал хотя одного из них, громко угрожая ударами нагайки. А теперь вдруг и неожиданно Ермолов назначается командиром гвардейской артиллерийской бригады.¹²⁶ Это случилось в тот самый день, когда получено было предписание отправить меня немедленно в Смоленск проселочной дорогой на Старую Русу, Холм, Торопец и Духовщину навстречу артиллерийским рекрутским партиям, направленным уже из Смоленска в Петербург по описанному тракту, с тем чтобы я оные обратно отвел к Смоленску. Получив в тот же день все бумаги, я на другой день, когда прочие офицеры представлялись Ермолову, хотя еще не выехал, не счел, однако, нужным ему являться. Он спросил обо мне и выразился: «Знаю, это тоже любимец Аракчеева!»

Я не знаю, почему тогда считали все, будто Аракчеев с удалением от военного министерства впал в немилость, когда, напротив, он сделался совершенным подручником государя¹²⁷ не только по военной части, но и вообще по всем государственным делам. Обо всем этом я узнал уже после, на походе, от товарища своего, особенно меня любившего, Вельяминова,¹²⁸ который в это время был в одном чине со мной, т. е. поручиком.

Первым приступом Ермолова было так называемое им очищение бригады. Он стал жаловаться инспектору, что нашел большой застой в производстве по бригаде; что он желал бы очень подвинуть вперед некоторых, лично ему известных или по храбрости, или по образованию своему, для чего он почитает весьма удобным так называемых фронтовиков перевести в армию, где они с пользой могли бы употребляться к приготовлению запасных войск. На первый раз он предложил перевести в армию полковников Эйлера и Ляпунова; капитанов Саблина, Фриша,¹²⁹ Королькова¹³⁰ и Сукина. О низшем разряде офицеров на этот раз он умолчал.

¹²⁴ *Ермолов* Алексей Петрович (1772–1861), генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837), почетный член Петербургской Академии наук (1818). С мая 1811 г. в чине генерал-майора командовал гвардейской артиллерийской бригадой.

¹²⁵ *Яшвиль* (Яшвили) Лев Михайлович (1772 или 1768–1836), князь, генерал от артиллерии (1819). В 1811 г. в чине генерал-майора был начальником артиллерийской бригады 4-й дивизии. За отличие в арьергардных боях начала Отечественной войны 1812 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1813 г. назначен начальником артиллерии действующей армии. В 1816–1832 гг. – начальник артиллерии 1-й армии.

¹²⁶ Высочайшим приказом от 10.5.1811 Ермолов назначен командиром гвардейской артиллерийской бригады, оставаясь инспектором нескольких конных артиллерийских рот. Высочайшим приказом от 13.11.1811 он назначен также командиром 2-й гвардейской пехотной бригады.

¹²⁷ С января 1810 г. А. А. Аракчеев возглавлял Департамент военных дел Государственного совета.

¹²⁸ *Вельяминов* Алексей Александрович (1785–1838), генерал-лейтенант. Участвовал в войнах 1805, 1810, 1812, 1813–1814 гг. В 1816 г. назначен начальником штаба Отдельного Грузинского (позднее Кавказского) корпуса при А. П. Ермолове. В 1818 г. впервые участвовал в делах против горцев. В 1829 г., командуя 16-й дивизией, участвовал в турецкой войне. В 1831 г. занял пост командующего войсками Кавказской линии и начальника Кавказской области. По его предложению пассивная оборона на Кавказе, рекомендованная Паскевичем, сменилась периодом экспедиций и набегов.

¹²⁹ *Фриш* Матвей Карлович (ок. 1785–?), полковник (1813). В 1811 г. – капитан Лейб-гвардии Артиллерийской бригады. В декабре 1811 г. переведен подполковником в 4-ю артиллерийскую бригаду.

¹³⁰ *Корольков* Николай Васильевич (ок. 1784–?). В 1811 г. – капитан Лейб-гвардии Артиллерийской бригады. 4.12.1811 переведен подполковником в 13-ю артиллерийскую бригаду. В 1815 г. – полковник, командир 26-й артиллерийской бригады.

Инспектор по соглашению с Аракчеевым убедил, однако же, Ермолова, что Эйлер ему необходим как помощник по фронту, а остальные все тот же час были переведены в другие бригады. Это сделалось не более как в две недели со дня принята Ермоловым бригады, а через неделю пришло обо мне предписание, чтобы меня считать в отпуску на три месяца со дня окончания моего поручения, – что крепко Ермолову не понравилось, и он еще более возымел против меня предубеждение, так что, когда Алексей Александрович Вельяминов, которого он предпочитал всем, приняв во внимание свое, стал меня выхвалять ему как хорошего офицера, любимого всеми товарищами, он никак этому не хотел верить, ссылаясь, что я непростительно и посредством интриги уклонился от моего с ним знакомства, тогда как я был должен искать его, если бы я был действительно таким, каким меня описывал Вельяминов.

В Петербург я вернулся из отпуска в последних числах февраля 1812 г., а 5 марта бригада наша выступила в поход, в Вильно.¹³¹ Когда я явился к Ермолову, он меня принял весьма сухо, а в продолжение похода, заметив, что я не имею ни верховой лошади, ни хорошей обмундировки, стал обращаться со мной еще холоднее и даже с некоторой небрежностью, что меня чрезвычайно огорчало, но я не находил средств пособить этому. Одно утешало меня, что Ермолов каждый день более и более сближался с Вельяминовым и редкий день проходил, чтобы не был в квартире у него, где всегда заставлял и меня, ибо я могу похвалиться, что преимущественно пред всеми моими товарищами пользовался дружбой Вельяминова.

Не доходя до Вильно, нас остановили в м. Даугелишках, где мы простояли до последних чисел мая 1812 г., а около этого времени пришли в Вильну, где находился уже государь¹³² и где были делаемы маневры. Когда мы стояли в Даугелишках, наша рота была расположена в деревне, отделенной от местечка небольшим озером, так что через оное до штаб-квартиры было не более четверти версты, а в объезд должно было ехать около четырех верст. В апреле, когда уже в поле снегу вовсе не было, но на озере еще держался остаток льда, в нашу роту приехали в гости из штаба наши офицеры: Вельяминов, Базилевич, Демидов, князь Михаил Горчаков,¹³³ адъютанты Ермолова: Фон-Визин,¹³⁴ Поздеев¹³⁵ и бывший при нем же ротмистр Кавалергардского полка Римский-Корсаков.¹³⁶ Все они были приятели товарища нашего Афонасья Столыпина.¹³⁷ Пообедав хорошенько у нас и по какому-то особому случаю спеша возвратиться в штаб-квартиру, они заметили, что немного опоздали, тогда Столыпин вдруг предложил ехать обратно через озеро, взявши на себя быть их вожатым. Сперва стали смеяться такому вызову; потом, видя его настойчивость и насмешку с выражением «струсили», и другие стали требовать непременно ехать через озеро, а у берегов уже саженой на десять и льда не оставалось

¹³¹ В это время уже было известно о подготовке Наполеона к вторжению в Россию. Ответную передислокацию своих войск вдоль границы начал император Александр I. В районе Вильно располагалась 1-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли.

¹³² Александр I прибыл в Вильно 21.4.1812.

¹³³ *Горчаков* 2-й Михаил Дмитриевич (1793–1861), князь, генерал-адъютант (1830), генерал от артиллерии (1844). В 1807 г. поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, с которой участвовал в кампаниях 1812, 1813 и 1814 гг. Участник турецкой войны 1828–1829 гг., Польской кампании 1831 г., подавления Венгерской революции 1848 г., Крымской кампании 1854–1855 гг. В 1856 г. – наместник Царства Польского.

¹³⁴ *Фонвизин* Михаил Александрович (1787–1854), генерал-майор (1819). Вступил в службу подпрапорщиком в Лейб-гвардии Измайловский полк в 1803 г. Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1815 гг. С 1812 г. – адъютант А. П. Ермолова. С 1814 г. – командир 37-го егерского полка. Участник движения декабристов. Приговорен к каторжным работам. В 1853 г. возвратился на родину (с. Марьино Бронницкого уезда Московской губ.).

¹³⁵ Вероятно, Поздеев Иван Васильевич (?–1820), полковник, командир Гусарского принца Оранского полка. В 1812 г. – поручик 7-й резервной артиллерийской бригады. Адъютантом Ермолова назначен 6.09.1812.

¹³⁶ *Римский-Корсаков* Павел Александрович (1785–1812). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка, убит в Бородинском сражении. А. С. Норов вспоминал: «Погиб добрый друг гвардейских артиллеристов, кавалергардский ротмистр Корсаков, одаренный богатырскою силою, и которого сабля долго пролагала себе широкую дорогу в рядах неприятеля, но картечь пробила его латы».

¹³⁷ *Столыпин Афанасий* Алексеевич (1788–1866), штабс-капитан. Предводитель дворянства Саратовской губернии. Дед М. Ю. Лермонтова. В 1812 г. – поручик Лейб-гвардии Артиллерийской бригады.

Вельяминов и Поздеев одни поехали в объезд, а прочие в глазах наших, сперва вплавь, а потом проламываясь на каждом шагу через лед, побрели озером. Ермолов, с другого берега, увидев в окно это безрассудство, вышел к ним навстречу и, когда они перебрались, порядком намыллил им головы, грозил арестовать их и отдал приказ по пехотному гвардейскому корпусу, которым он уже тогда командовал, не оставляя начальства и над бригадой нашей, не называя, однако же, имен, но выставляя как безрассудный поступок, нисколько не приписывая таковой мужеству. Я здесь упоминаю это происшествие не в упрек Ермолову и не в осуждение, а для того, чтобы можно было судить о духе товарищей моих и об образе мыслей моего начальника, которого при явном его нерасположении ко мне я не переставал в душе уважать.

Во время маневров в Вильне главнокомандующий 1-й западной армией военный министр Барклай де Толли сделал мне очень строгое замечание, что я принимаю маневры не в виде настоящего сражения, ибо, имея пред собой в нескольких саженях, небольшое возвышение, при наступлении открыл пальбу из орудия, не занявши этой высоты. Замечание вполне справедливое, по тактике; но если бы я, забыв равнение фронта, самовольно решился податься вперед и тем нарушил линию фронта, тогда, вероятно, дело со мной окончилось бы не замечанием, а арестом, и меня, верно, бы не спросили о самовольной моей выскочке, на сколько саженей впереди от меня находилось упомянутое возвышение...

До поступления моего в канцелярскую службу я пользовался необыкновенно хорошим зрением, чем даже хвастал. Приготовляясь ко вторым маневрам под Вильной, наша бригада ночевала под монастырем на Антоколе, где было назначено сборное место. Это, я думаю, около четырех верст от города. Собравшись в кружок, мы стояли несколько офицеров вместе. К нам подошел Ермолов и с видом нетерпения говорил о замедлении некоторых полков и обратил наше внимание, что по другую сторону города, несколько вправо, идет, кажется, какой-то полк, что можно было заключить по отблеску штыков на ружьях.

– Ну, господа, – сказал Ермолов, – кто угадает, какой это полк?

Взглянув в ту сторону, я отвечал:

– Должно быть, егеря!

– Почему ты это заключаешь? – сухо спросил он у меня.

– Другие имеют белые панталоны, – отвечал я, – а этот весь в темном.

– Ну, брат, на этот раз я поймал тебя, – возразил он мне опять очень сухо. – Сегодня у нас пятнадцатое мая,¹³⁸ и все полки в белых панталонах; нехорошо, брат, пули лить!

Я покраснел, но повторил:

– Может быть, я ошибаюсь, но еще раз подтверждаю, что идущие солдаты с ног до головы имеют одежду темную!

Прошло около часа времени; прошел мимо егерский полк и в зимних панталонах. Ермолов сейчас поехал навстречу и спросил, отчего не в летних панталонах. Затем подъехал опять ко мне.

– Виноват, товарищ, – сказал он, – признаюсь в этом и всем буду рассказывать, какое у тебя отличное зрение: чуть ли не за пять верст отличил одежду!

Егеря пришли прямо с караула, и потому одни они были в зимних панталонах.

После маневров мы опять отошли от Вильны, и штаб-квартира нашей бригады расположилась в Свенцянах, а мы по окрестным деревням. Во время стоянки здесь у Ермолова оже-ребилась его верховая кобыла; он приказал хорошенько отпоить жеребенка, а потом зарезать и жарить; приглашая офицеров на это жаркое, он говорил, что хочет заблаговременно приучить их ко всякой случайной пище, так как бог знает, что придется еще есть. Обстоятельство это мне тем памятно, что Ермолов к обеду этому приглашал не только всех офицеров из штаба,

¹³⁸ Приказ о переходе на летнюю форму одежды по 1-й Западной армии был отдан 5 мая.

но даже из близквартировавших деревень, кроме меня, что меня ужасно потревожило и огорчило, ибо это было явное доказательство его ко мне нерасположения и небрежения.

Вот чем еще памятна для меня стоянка около Вильны. В 1808 г. к нам в гвардию переведен был из армии поручик Сухозанет¹³⁹ тем же чином, и как я был в это время четвертым подпоручиком, то он стал мне, как называют, «на голову». В 1809 г. я произведен был в поручики, следовательно недалеко от Сухозанета. В 1811 г., в первых числах февраля Сухозанет, числясь адъютантом при князе Яшвиле, переименован капитаном по артиллерии и назначен командиром роты Яшвиля. В конце февраля того же года артиллерии, инженерам и кадетским корпусам дано старшинство одного чина перед армией и вместе сделано производство и уравнивание из майоров и капитанов в подполковники, причем также произведен Сухозанет. В 1812 г., когда мы были в Свенцянах, государь смотрел две роты: батарейную 1-й бригады, полковника Глухова,¹⁴⁰ старика лет 70-ти и имевшего орден Георгия 4-й степени, и конную – Сухозанета. Последняя ему так понравилась, а первая, напротив, так не понравилась, что он Сухозанета тем же чином перевел опять к нам в гвардию, а Глухова для исправления предоставил под команду Сухозанета, а потом и вовсе лишил бригады и роты, и Сухозанет стал у нас старше всех капитанов. В декабре при производстве по линии он произведен был в полковники,¹⁴¹ а в мае за Бауценское дело¹⁴² получил чин генерал-майора.¹⁴³ Он был из кадет; выпущен в 1804 г. 16-ти или 17-ти лет, а в 1813 г., т. е. через 9 лет, на 25-летнем возрасте, имел уже генеральский чин и за Лейпциг ленту св. Анны.¹⁴⁴ Не помню, кто-то весьма остроумно выразился на этот счет, что он одного человека знает только, который в чинах шел шибче Сухозанета, и этот человек был Барклай де Толли, который, в 1807 г., командовал полком в чине генерал-майора, а в 1814 г. был уже генерал-фельдмаршалом.

14 июня бригаду нашу собрали на тесные квартиры в штаб, в Свенцяны, и тут мы узнали, что французы перешли границу.¹⁴⁵ Вечером того же дня возвестили нам о скором прибытии государя и гвардии. Для государя заняли квартиру в небольшом домике графа Платера, на конце города. Для караула была поставлена пехотная батарейная рота его высочества. Все офицеры бригады стояли на фланге, когда подъехал государь и вышел из коляски. Еще выходя, он поздоровался с солдатами и громко объявил:

– Поздравляю, господа, с военными действиями, примемся работать! Французы перешли Неман в Ковно 12-го числа, а теперь к делу! – Потом, поцеловав Ермолова, присовокупил: – Будет работы, мы имеем дело не с обыкновенным человеком. Ну, как думаешь, Алексей Петрович, чья возьмет?

– Государь, – отвечал Ермолов, – мы имеем дело точно с необыкновенным человеком, но все-таки с человеком! Его надобно бить его же оружием!

– Каким? – живо спросил государь.

¹³⁹ *Сухозанет* 1-й Иван Онуфриевич (1788–1861), генерал от артиллерии (1834), генерал-адъютант (1825). Переведен в Лейб-гвардии Артиллерийский батальон в 1808 г. из 1-го артиллерийского полка и назначен адъютантом к князю Л. М. Яшвилю.

¹⁴⁰ *Глухов* Василий Алексеевич (ок. 1763–?). В 1812 г. – полковник, командир 1-й артиллерийской бригады, с 26.4.1812 – командир батарейной роты № 3 3-й артиллерийской бригады. 13.8.1812 переведен состоящим по артиллерии с назначением командиром парков 2-й линии при Шостенском пороховом заводе, но успел принять участие в сражении при Бородино, в котором был ранен (награжден орденом Св. Анны 2-й степени).

¹⁴¹ Чин полковника И. О. Сухозанет получил за отличие в бою при Чашниках.

¹⁴² Сражение при Бауцене состоялось 8–9.5.1813 между Наполеоном и объединенной русско-прусской армией под командованием российского генерала П. Х. Витгенштейна. Закончилось отступлением союзников и заключением перемирия. Русские потеряли ок. 6400 солдат, пруссаки – 5600; французские потери составили 18–20 тыс. чел.

¹⁴³ Приказом от 26.5.1813.

¹⁴⁴ Орден Св. Анны 1-й степени И. О. Сухозанет получил за отличие в сражениях под Дрезденом и Кульмом. За сражение под Лейпцигом награжден золотой саблей «За храбрость» с алмазами.

¹⁴⁵ Великая армия Наполеона начала переправу через границу России 12.6.1812.

– Упрямством! *Le plus opiniatre sera toujours vain-queur!*» (Кто переупрямит, тот и выигрывает!)¹⁴⁶

– Ну, что касается до этого, – сказал весело государь, – то я с ним готов буду поспорить. – И потом сказал: – На что ты поставил мне целую роту молодцов для караула, отпусти; пусть отдыхают, для меня довольно и десятерых!

На замечание Ермолова, что сейчас пришел Преображенский полк и что не прикажет ли государь сменить артиллеристов.

– Не надо, – сказал государь, – и они сберегут меня, – что нам всем чрезвычайно польстило.

Я в этот день назначен был главным рундом.¹⁴⁷ По пробитии зари, когда я пошел с патрулем обходить посты, я имел обнаженную шпагу. Войдя в сад, у двери, выходящей туда и отворенной, я увидел, что часовой задремал... А между тем все окна в сад были отворены. С одной стороны, не слыша оклика себе, а с другой – при мысли о несчастье, которое должно неизбежно постигнуть задремавшего часового, если государь заметит сию небрежность, поставило меня на минуту в затруднительное положение. Концом шпаги разбудил я часового, но тот так смешался и испугался за свою вину, что от робости все-таки не сделал оклика, так что я был уже вынужден заговорить с ним об этом и, возвратясь на гауптвахту, приказал немедленно сменить этого часового, все еще не зная, довести ли о таком проступке до начальства или наказать его по домашнему порядку. Я пошел далее по городу и чрезвычайно обрадовался, встретив на улице государя в одном сюртуке и фуражке, выходящего из квартиры Аракчеева. По форме я окликнул государя и он, отозвавшись:

– Солдат, – сказал мне, улыбаясь: – Я говорил, молодцы артиллеристы, знают свое дело! – Это меня удивительно как облегчило; так что о вине часового я никому другому, кроме его ротного командира, не объявлял, и его очень милосердно наказали противу того, чего тот заслуживал за свой важный проступок. На другой день мы выступили на бивуаки, и для нас тоже началась уже действительная кампания.

Первые неприятельские выстрелы, в 1812 г., которые мы услышали вдалеке, были под Видзами. Туда в числе прочих раненых привезли мне двоих знакомых: полковника Рахманова,¹⁴⁸ бывшего адъютантом при Барклае, до того издававшего «Военный журнал», и гусарского поручика Фигнера,¹⁴⁹ женатого на воспитаннице Мордвинова, с которым в феврале я виделся в Смоленске. Рахманов был весьма боек на язык. Государь посетил его и Фигнера. С государем был генерал-адъютант граф Ожаровский.¹⁵⁰ Тот, шутя над раной Рахманова, у которого картечью оторвало два пальца на правой руке, поострился, сказав государю: «*Rakhmanoff est puni, par où il a pêché*» (Рахманов в том наказан, чем грешил).

– Берегитесь, граф, – возразил Рахманов по-русски, – этак не придется вам головы снести в эту кампанию!

---

¹⁴⁶ Замечание Ермолова, каким оружием можно победить Наполеона, было сказано по-французски, весь же разговор, а равно и ответ государя на это замечание, происходил на русском языке. – И. Ж.

¹⁴⁷ *Главный рунд* – главный обход караулов в крепости или лагере, производящийся главным дежурным час спустя по наступлении ночи.

¹⁴⁸ *Рахманов* Петр Александрович (?–1813). Математик, военный писатель, издатель «Военного журнала». В 1812 г. – полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант М. Б. Барклая де Толли. 23.6.1812 ранен в арьергардном бою под Кочергишками; убит в сражении под Лейпцигом. Интересно, что в № 39 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 16 мая 1811 г. было помещено следующее объявление: «Узнал я, что подписка на «Военный журнал», издаваемый Г. Рахмановым, окончилась; почему прошу, желающего уступить полное число № одного за 20 руб. доставить в Московской части, в Грязной улице в доме под № 231, ко мне, л-гв Артиллерийского батальона поручик Жиркевич.

¹⁴⁹ *Фигнер* Николай Самойлович (1787–1813). В начале 1812 г. был поручиком Мариупольского гусарского полка. 19.6.1812 тяжело ранен в арьергардном деле при Козянах. В декабре 1812 года переведен в Лейб-гвардии Гусарский полк. Умер от болезни в Калише.

¹⁵⁰ *Ожаровский* Адам Петрович (1776–1855), граф, генерал от кавалерии (1826), генерал-адъютант (1807). В 1812 г. состоял при Главной квартире 1-й Западной армии.

Не помню, кто мне рассказывал это, Вельяминов или князь Горчаков, которые тут были у Рахманова, когда государь неожиданно посетил его и, несмотря на присутствие императора, который сам невольно улыбнулся, все находившиеся тут засмеялись; один граф Ожаровский, как заметно было по выражению его лица, не сообразив тотчас всю колкость ответа Рахманова, стоял с серьезным выражением лица.

Из лагеря под Дриссой¹⁵¹ мы выступили в первых числах июля 1812 г. и шли через Полоцк к Витебску, где, как слышно было у нас, готовились дать сражение неприятелю. Первоначально мы расположились около большой дороги, идущей в Оршу, и с того места, где была расположена наша бригада, даже простым глазом видели происходившую под местечком Островной стычку с неприятелем,¹⁵² а в подзорную трубу очень хорошо можно было различать даже передвижение войск. После дневки перевели нас на другую позицию, которая заслоняла проселочную дорогу, прямо идущую на Смоленск через Лиозну и Рудню, и тут уже мы были поставлены в боевую позицию; но, простояв одни сутки, потянулись на Лиозну. Все эти переходы и колебания так уронили дух в войске, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующего Барклая.

Государь из-под Полоцка отбыл от армии в Москву через Смоленск.¹⁵³

Не помню теперь, какого числа, наверное между 10 или 15 июля, когда мы стояли под Лиозной, вечером, уже в совершенные сумерки, потребовали меня и моего ротного начальника капитана Гогеля¹⁵⁴ к генерал-лейтенанту Депрерадовичу,¹⁵⁵ командовавшему 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. В его квартире были собраны уже несколько генералов и полковых командиров. Когда мы прибыли, как кажется, уже последними, он объявил нам, что он назначен начальником особого легкого отряда, отправляемого открыть дорогу армии к Смоленску¹⁵⁶ и, как предполагать должно, дорога эта, быть может, занята уже неприятелем; а потому все мы должны ожидать жаркой встречи с незванным гостем.

– Хотя я, – продолжал Депрерадович, – совершенно уверен, что каждый из нас готов жертвовать жизнью за государя и отечество, но решил предупредить вас о нашем предназначении с тем, что если кто-либо не чувствует в себе твердости идти на видимую опасность, то лучше бы и не шел в этот отряд!

Разумеется, что подобного труса ни одного не оказалось.

Мы отправились к своим местам в 10 часов вечера; с особенной предосторожностью и тишиной снялись с бивуаков, как будто неприятельская цепь нас окружала в нескольких только шагах, и выступили в поход на Рудню. В отряде этом были полки: кавалергардский, конногвардейский, гвардейские егеря, лейб-гвардии Финляндский полк,¹⁵⁷ сводный гренадерский бата-

---

¹⁵¹ Укрепленный лагерь российской армии располагался к северо-западу от г. Дрисса Витебской губернии (ныне Верхнедвинск Витебской обл. Республики Беларусь). Строительство его началось в апреле 1812 г. согласно стратегическому плану, разработанному советником императора Александра I генералом К. Л. Фулем. 2.7.1812 военный совет, созванный Александром I, принял решение оставить лагерь.

¹⁵² 13.7.1812 г. под Островно (местечко в Витебской губ.) происходили бои между арьергардом 1-й Западной армии и авангардом Великой армии.

¹⁵³ Александр I покинул армию в ночь на 7 июля. Через Смоленск он направился в Москву, далее – в С.-Петербург.

¹⁵⁴ Гогель Александр Григорьевич (1787–1812). В кампанию 1812 года – командир легкой роты № 2-го.

¹⁵⁵ Депрерадович Николай Иванович (1767–1843), генерал от кавалерии (1826), генерал-адъютант (1819). Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и военных действий в Польше в 1792 и 1794 гг. Участвовал в заговоре, результатом которого стало убийство императора Павла I. Участник войн с Францией 1805, 1806–1807 гг. В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал гвардейской кавалерийской дивизией. Отличился во время заграничных походов 1813–1815 гг. В русско-турецкую войну 1828–1829 гг. командовал гвардейскими частями в действующей армии.

¹⁵⁶ Депрерадович получил приказ командира 6-го корпуса Д. С. Дохтурова «сделать поиск к Смоленску» 16 июля.

¹⁵⁷ Лейб-гвардии Финляндский полк сформирован в декабре 1806 г. в Стрельне близ С.-Петербурга как Императорский батальон милиции в составе пяти пехотных рот и артиллерийской полуроты. 22.1.1808 за отличие в кампании 1807 г. причислен к Лейб-гвардии и наименован Лейб-гвардии батальоном Императорской милиции. 19.10.1811 назван Лейб-гвардии Финляндским полком. Упразднен в начале 1918 г.

льон, конная гвардейская артиллерийская рота и наша 2-я легкая рота. Этот отряд шел с такой быстротой, что когда приходили к месту отдыха, то из пехоты на бивуаки едва-едва вступало несколько человек, но через час или два молодцы-егеря и финляндцы бывали всегда уже в полном комплекте. На отдыхах мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались в поход. Жар был нестерпимый, и мы не более как в 38 часов прошли около 75 верст до Смоленска, без малейшей встречи с неприятелем. Третий роздых мы имели около удельного имения Приказ Выдры. Я знал, что в этом имении очень часто бывает мой внучатый брат Пирамидов, женатый на Лаптевой, сестре моей невесты, ибо он служил по удельному ведомству, поэтому я по прибытии на бивуак, отправился в волостную контору отыскивать голову и расспросить его, давно ли был у них Пирамидов и когда и куда он уехал из Смоленска, а также не знают ли чего-либо о Лаптевых, которых деревня была недалеко от Выдры. У головы квартировал Депрерадович. Каков же был сюрприз для меня, когда голова сказал мне, что Пирамидов только несколько часов как выехал от них в деревню к теще своей, за 12 верст от них, и что ни его семейство, ни семейство Лаптевых вовсе не думали выезжать никуда. Это меня так сильно озадачило и напугало, что я тут же пошел к Депрерадовичу просить позволения отправиться тотчас же к Лаптевым, вывезти оттуда мою невесту и всю родню в Смоленск. Депрерадович сделал мне вопрос: «В какую сторону лежит деревня?» – и когда я сказал, что к Днепру, он сперва мне решительно отказал, говоря, что хотя по другой стороне и тянется цепь казаков, но что на это полагаться никак нельзя, что неприятель местами может очень легко пробраться на нашу сторону для розысков и что я тогда могу даром попасться в плен. Но я стал его убедительно просить отпустить меня, и он благословил меня, подтвердив, чтобы я сам на себя пенял и не выдал бы известия о том, что отряд наш идет на Смоленск.

Взявши у головы подводу, часов в 10 утра поехал я в Нолинцы (деревня Лаптевых), куда и прибыл в самый полдень. Во двор господский я должен был въехать аллеей, так что можно было приезд мой видеть еще сажень за сто от дома. Первый предмет, бросившийся мне в глаза, когда я въехал на двор, была огромная масса сухарей, приготовленных для армии и сушившихся на солнце, а затем в окне я увидел все семейство Лаптевых, сидящих за обеденным столом, и в конце стола, прямо против окна, мою невесту, которая, вскочивши, закричала: «Ах! Иван Степанович приехал!» Тут и другие все бросились к окну, а потом и на подъезд, с вопросом, что значит мой приезд из похода. Этот вопрос мне показался весьма странным; но каково же было мое изумление, когда мать моей невесты и даже Пирамидов объявили мне, что они вовсе не имеют понятия ни о какой опасности; что они слышали, будто армия приближалась к Витебску или Могилеву; но что около этих мест где-то было сражение и французы уже прогнаны назад; что на днях государь был в Смоленске, смотрел там 12 армейских рот и рекрутов, всех успокоил и обнадежил; и что они вовсе не собираются и не думают куда-либо выехать. Я, объяснив им их ослепление, стал убедительно просить матушку тот же час собраться и ехать по крайней мере в Смоленск, что составляет не более 18 верст; там она сама могла удостовериться, что им никак нельзя долее остаться в деревне. Она же мне объявила, что это вовсе не так легко сделать, как я предполагаю, что она обыкновенно все лето живет в деревне, следовательно, на лето у нее в Смоленске вовсе нет запаса; теперь же пора рабочая, мужики все в поле, и от работы отрывать их грешно. В дальний путь, с семейством ей ехать и вовсе нельзя. «На это нужны деньги, а у меня их вовсе нет, – сказала она и потом прибавила: – Да что это, Иван Степанович, вы нас пугаете, вас, верно, послали по какому-нибудь делу в Смоленск и вы хотите, чтобы ваша невеста была ближе к вам и потому всех нас за собой и тянете? Раненько, молодой человек, вздумали надо мной шутить».

После долгих и долгих убеждений, она понемногу начала давать веру моим словам, обещала подумать и дня через два приехать в Смоленск на несколько дней. Пробыв часа два у них, отправился я к отряду своему, в деревню Ольшу. Когда я явился после к Депрерадовичу, он с любопытством стал спрашивать меня, что слышно около Днепра о французах, но я удивил его

моим рассказом, и он мне серьезно сказал: «Напишите сейчас к вашим родным, что я вам велел их уведомить: они не могут оставаться в деревне и отправьте к ним нарочного». Разумеется, я поспешил исполнить приказание генерала, и будущая теща моя с четырьмя дочерьми, из коих две беременные, с двумя малютками, с дворней, человеке до пятнадцати, без денег, без гардероба, без запасов на другой день в 5 часов утра перебралась в Смоленск; а через полчаса после ее выезда в деревню наехали свои мародеры и весь дом повернули вверх дном, так что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бегом прибежали в Смоленск и принесли весть о том...

Часть IV***1812

Смоленск. – Дер. Шеломец. – Барклай и Багратион. – Битвы 3 и 4 августа. – Предсказание об иконе Божьей матери. – Пожар и отступление. – Общая ненависть к Барклаю. – Ошибки начальства. – Бородино. – Партизан Фигнер. – Первая победа. – Кафтан Мюрата. – Выговор. – Рассказы о Кутузове. – Бедствия неприятельских и наших войск.

В тот же день, вечером, подойдя к Смоленску,¹⁵⁸ без всякого приказанья мы расположились на Покровской горе, а на другой день ввечеру и армия подошла, и мы заняли следующую позицию: лицом к Петербургу, так что левый фланг упирал в Днепр, а правый – примыкал к дорой на Духовщину. По другую же сторону Днепра, у Красного, позицию занимала дивизия Неверовского.¹⁵⁹ Тогда носились слухи, что Наполеон действительно приказал одному корпусу идти от Орши, усиленным маршем, к Смоленску, но что сие не выполнилось из опасения, ибо французы получили сведения, что государь в Смоленске делает смотр большому числу войск, при котором было не менее 200 орудий артиллерии. Последнее было действительно справедливо. Это обстоятельство дало возможность 2-й армии, которой командовал князь Багратион,¹⁶⁰ соединиться с 1-й.¹⁶¹ Багратион, в чине полного генерала, был старше Барклая; но последний, кроме звания главнокомандующего, носил еще звание военного министра. Когда князь, предупредив прибытие своих войск, приехал часом или двумя ранее в Смоленск, то в ту же минуту отправился к Барклаю; но тот, узнав, что приехал Багратион, сам поехал к нему на встречу,¹⁶² и оба, один другому, предоставляли честь первенства. Но князь Багратион настоятельно сам подчинил себя младшему, утверждая, что тот, как военный министр, более обременен доверием государя. К несчастью, между сими двумя главными военачальниками согласие было непродолжительным.

Утверждение наше около Смоленска ознаменовалось тотчас событием, не имевшим до того времени подобного себе в армии... Беспреданное отступление от границы до Смоленска, как я уже говорил выше, возбудило ропот, но сверх того, оставляя большое пространство родной земли неприятелю, солдаты привыкли не только равнодушно смотреть на разорение своего родного края, но даже и сами тому способствовали, рассуждая: «Лучше самим взять, чем отдать неприятелю». Они не считали для себя особенно важным преступлением, если по домам и оставленным усадьбам и брали что-либо, и вот источник мародерства, для которого на русском языке и названия не придумано. Около Смоленска оно дошло до чрезвычайности, и главнокомандующий, скрипя сердце, решился самой строгой мерой положить тому преграду. Около 20 июля при собрании отрядов от каждой части войск расстреляли 7 человек на Покров-

¹⁵⁸ Отряд Депрерадовича подошел к Смоленску 18 июля.

¹⁵⁹ *Неверовский* Дмитрий Петрович (1771–1813), генерал-лейтенант (1812). Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и в войне с Польшей в 1792–1794 гг. В 1812 г. командовал 27-й пехотной дивизией, оказавшей под Красным упорное сопротивление превосходящим силам конницы Мюрата. Наполеон не смог отрезать русские войска от Смоленска и зайти им в тыл, о чем сообщал П. И. Багратион: «Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских». Скончался в результате ранения, полученного в сражении под Лейпцигом.

¹⁶⁰ *Багратион* Петр Иванович (1769–1812), князь, генерал от инфантерии (1809). Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в Итальянском и Швейцарском походах Суворова. В войнах с Францией 1805, 1806–1807 гг. командовал арьергардом русской армии. В русско-турецкой войне 1806–1812 гг. – главнокомандующий Молдавской армией. 16.3.1812 г. назначен главнокомандующим 2-й Западной армией. Скончался в результате ранения, полученного в сражении при Бородино.

¹⁶¹ Главные силы 1-й и 2-й армий соединились под Смоленском 20–22.7.1812.

¹⁶² Встреча М. Б. Барклая де Толли и П. И. Багратиона произошла 21 июля.

ской горе. Говорили, что в числе их два человека, едва ли виновные на самом деле, подверглись той же участи. Они были уличены в грубостях военному полицеймейстеру, которому по своему понятию считали нимало не подчиненными, ибо военная полиция была еще новость для целой армии и как бы что-то ей чуждое.¹⁶³ Военные у нас привыкли смотреть на полицию презрительно, и этот взгляд был распространен начиная от солдата до высшего начальства.

До нашествия французов в самом Смоленске жил мой зять, Фролов, служивший там при военном госпитале смотрителем; сестра же моя скончалась в марте месяце, когда мы подошли к Смоленску. Зятя я застал еще в его доме, но он уже собирался выехать вслед за моей матерью, которую я успел найти у моей тетки Адамовичевой, за Смоленском, верстах в пятнадцати. Она перебиралась в Дорогобуж, к родному своему брату, весьма налегке; так мало думали, чтобы французы пошли далее Смоленска! Да и мы мечтали, что по соединении обеих армий дадут решительный отпор неприятелю. Конечно, были люди, которые рассчитывали и на противные результаты.

---

¹⁶³ Полиция учреждалась в армии во время походов и предназначалась для обеспечения порядка в обозе и на квартирах армии. Состояла из обер-полицеймейстеров, полицеймейстеров, гевальдигеров, обозных и пр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.